

NICK CARTER

DETECTIVE LIBRARY

The Only 5 Cent Detective Library Published.

No. 1. PUBLISHED WEEKLY. NEW YORK. © 1904 N. S. P. & G. Co. 5 Cents.

Nick Carter, Detective.

By A Celebrated Author.

NEW YORK: PUBLISHED BY N. S. P. & G. CO., 150 N. 2ND ST., N. Y. C.

Ник Картер
Привидение в
доме умалишенных
Серия «Ник Картер»

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158018

Ник Картер. Т. 2: Тришика; Новосибирск; 1994

ISBN 5-87729-002-9

Аннотация

Ник Картер (настоящее имя – Джон Р. Корнелл) – создатель популярнейшего одноименного героя Ника Картера, который практически не знаком российскому читателю.

Ник, потрясающий по активности и изобретательности герой, стал любимцем миллионов читателей не только в США, но и во всем мире.

Многочисленные тиражи и более 1200 созданных, и победно шествующих по западным страницам комиксов, лучшее тому подтверждение.

Если вы любите динамичный, приключенческий детективный жанр – Ник Картер для вас.

Ник Картер

Приведение в доме умалишенных

* * *

Нет, кажется, на свете второго такого ужасного места, как Даннемора, тюрьма для умалишенных преступников в штате Нью-Йорк. Ужасы этой, построенной наподобие крепости темницы еще усиливаются тем обстоятельством, что далеко не все ее обитатели действительно лишились рассудка, а многие только притворились сумасшедшими для того, чтобы избежать заслуженной кары за свои кровавые злодеяния.

Подобно диким зверям, сидят там эти несчастные в своих решетчатых клетках, все время помышляя только об одном: как бы обмануть бдительность своих сторожей и воспользоваться первым удобным случаем для того, чтобы бежать из мрачных стен дома умалишенных.

В то время, к которому относится начало нашего рассказа, в этой тюрьме находились два опаснейших преступника высшего полета, в свое время наделавшие немало хлопот знаменитому сыщику Нику Картеру. Тем не менее, несмотря на всю их ловкость и опытность, последнему после упорной и

тяжелой борьбы удалось схватить их и передать в руки правосудия.

Это были доктор Кварц и его ученица, красавица Занони.

Прекрасная преступница содержалась в одной из самых надежных камер женского отделения, тогда как ее сообщник, доктор Кварц, занимал такую же камеру в отделении мужском.

В одном из последующих выпусков мы объясним уважаемым читателям, каким образом произошло то, неслыханное дотоле в летописях американского суда решение присяжных, по которому доктор Кварц, несмотря на полную свою нормальность в умственном отношении был осужден вместо вполне заслуженной им смертной казни, к пожизненному заключению в тюрьме для умалишенных преступников, Дан-неморе.

Что касается его прекрасной ученицы Занони, то и на ее совести было достаточное количество преступлений для того, чтобы заслужить смерть на электрическом стуле. Но от этой участи ее спас ее артистический талант. Она вдруг в одну ночь сошла с ума! Действительно ли она лишилась рассудка или только притворялась сумасшедшей – этого не могли установить даже самые ученые психиатры, и прекрасная Занони по приговору нью-йоркского суда была также препровождена в тюрьму для умалишенных преступников.

С тех пор прошло уже много месяцев. Кварц и Занони, до того времени всегда неразлучные, теперь, живя в одном

здании, были тем не менее так далеки друг от друга, как если бы жили на разных полюсах.

Директор тюрьмы и весь подчиненный ему персонал были предупреждены о чрезвычайной опасности этих двух заключенных.

Впрочем, все были вполне убеждены, что на этот раз преступная пара навсегда лишена возможности творить зло; один только Ник Картер озабоченно качал головой всякий раз, когда в беседе с инспектором Мак-Глуски, начальником нью-йоркского сыскного отделения, разговор заходил о Кварце и демонической Занони.

– Говорите, что хотите, – был всегдашний его ответ, – но до тех пор, пока я не увижу этого Кварца и его ученицу мертвыми, пока на моих глазах в крематории не превратятся в пепел их тела, до тех пор я буду считать их по-прежнему опасными для человечества, и я вполне разделяю мнение самой же Занони, что ее преступная карьера еще далеко не окончена!

В один прекрасный ноябрьский день Ник получил от директора Даннеморы письмо, содержание которого его немало удивило. Вот что писал он между прочим:

"Вы оказали бы мне большое одолжение, если бы согласились приехать сюда как можно скорее, так как я нахожусь в крайне затруднительном положении, с которым не только не могу справиться, но о котором даже не могу отдать себе ясного отчета. Полагаю, что в это дело замешаны доктор Кварц

и Занони, хотя и не имею на это никаких решительно доказательств.

Единственной основой этого моего предположения является только то обстоятельство, что начало настоящих нетерпимых явлений совпало как раз с моментом поступления в тюрьму этих двух лиц.

Пожалуйста, не смейтесь надо мной, многоуважаемый мистер Картер, если я, считающий себя человеком вполне просвещенным, совершенно серьезно заявляю вам, что у нас в Даннеморе нечисто; наша, и без того уже мрачная страшная тюрьма каждую ночь посещается каким-то духом.

Но главное, что особенно странно – не одни только заключенные видели "Демона Даннеморы": привидение являлось и сторожам и не раз подвергалось преследованиям со стороны последних.

Если в скором времени не выяснится эта непонятная мне тайна и не прекратятся эти страшные явления, то я вынужден буду опасаться самых серьезных беспорядков, которые, могут разрастись до настоящего бунта в тюрьме, исход которого может стать роковым для меня и для моего персонала. Не откладывайте же, не медлите ни минуты и приезжайте, как можно скорее".

При том живом интересе, который знаменитый сыщик всегда принимал в преступной карьере доктора Кварца и его прекрасной ученицы Занони, понятно, что он немедленно отложил все другие дела и ближайшим же поездом уехал в

Даннемору.

На следующий день он сидел уже в кабинете директора тюрьмы.

– Ну-с, я получил ваше письмо – и вот я здесь, – заявил сыщик, выжидающе глядя на своего собеседника. – Теперь, пожалуйста, еще раз хорошенько растолкуйте мне, в чем дело.

– Вы не поверите, как я счастлив видеть вас, мистер Картер, – сказал директор, сердечно пожимая сыщику руку, и принялся рассказывать:

– Во всех отделениях подведомственной мне тюрьмы творится какая-то чертовщина и что хуже всего, я решительно не вижу никакой возможности как-либо подействовать успокоительно на взволнованные умы моих заключенных.

– Таким образом, "Демон Даннеморы", как вы его называли в своем письме, оказался сильнее всей тюремной администрации? – с улыбкой заметил Картер.

– Безусловно! – совершенно серьезно подтвердил директор. – Не правда ли, вы имели в своей жизни достаточно случаев познакомиться с характерами преступников и злодеев самого различного рода?

– Я думаю, – ответил сыщик, – я мог бы написать целые книги о том, что мне пришлось видеть во время своей многолетней практики.

– Ну вот, тем не менее, мистер Картер, я утверждаю, что вы не можете себе представить, во что превращаются отъяв-

ленные преступники, попадающие в Даннемору.

– Охотно верю вам.

– Повторяю, нужно иметь опыт директора тюрьмы или же тюремного сторожа, чтобы понять, до какого озверения может доходить человек, как мы это видим чуть ли не каждый день. Не хватает слов, чтобы описать этот ужас! – все более волнуясь, продолжал директор. – Можете представить себе, что должно твориться в подобной тюрьме, когда все ее обитатели объаты паническим страхом! Бывали ли вы в далеких прериях и видели ли стадо разъяренных, взбесившихся буйволов? – после некоторой паузы спросил директор.

– Да, я имел случай наблюдать такую картину. Помню, с моим другом Буффало Билль, мы как-то раз присутствовали при таком зрелище.

– Ну вот, тогда вы знаете, что пастухи не имеют возможности успокоить или остановить стадо, которое с бешеной яростью несется вперед, как неудержимый степной пожар.

– Да, действительно, броситься навстречу взбесившемуся стаду буйволов – это сумасшествие, – согласился сыщик.

– У нас здесь налицо такое же стадо, которое в мирное время может управляться одним единственным человеком, и которое никогда не вздумает оказать сопротивления, если только не будет выведено из равновесия каким-либо исключительным явлением.

– Я понимаю, на что вы намекаете.

– Если же такое стадо буйволов чем-нибудь напугать, то в

нем просыпаются все его дикие животные инстинкты. Целый кавалерийский полк не в состоянии остановить такое напуганное стадо. Не правда ли?

Сыщик утвердительно кивнул головой.

– Ну-с, мистер Картер, смею вас уверить, что тюрьма, полная самых отъявленных и притом по большей части умственно ненормальных преступников, в тысячу раз страшнее такого стада буйволов, – мрачно сказал директор.

– Неужели? – с улыбкой сомнения спросил Картер.

– Стрешнее! – повторил директор, возвышая голос и от волнения ударил рукой по столу. – Мы уже видели такие бунты в Даннеморе, и опыт научил нас, что в таком случае не помогают никакие меры предосторожности. Эти звери в образе человеческом не боятся в такую минуту никакого оружия. Все их низменные инстинкты сразу просыпаются в них. Обезумевшие и исступленные, эти преступники душат, бьют, кусают, пока не разорвут на клочки не только своих сторожей, но и друг друга.

– И вы полагаете, что здесь, в этой тюрьме, надо считаться с возможностью такой катастрофы? Но что же привело заключенных в такое взволнованное состояние?

– "Демон Даннеморы!"

– Тогда скажите мне прежде всего, кто или что он этот "Демон Даннеморы"? – с видимым нетерпением спросил Ник Картер.

– Я могу вам ответить только тем же вопросом, так как

именно для разрешения его я и пригласил вас сюда, – ответил директор, пожимая плечами.

– В каком виде является это привидение?

– Оно всякий раз выглядит иначе!

– Хорошо, а где же оно появляется?

– Тоже каждый раз на новом месте!

– Но чем же вызваны его появления?

– Не знаю, – заметил директор, который начинал казаться сыщику человеком, довольно недалеким. – Заключение все того мнения, что это дух, и называют его "Демоном Даннеморы".

– А в какие часы он появляется? – осведомился сыщик.

– Обыкновенно между полуночью и первым криком петуха, притом иногда по два, по три раза в одну и ту же ночь. Иногда же проходит несколько ночей, и привидение вовсе не показывается.

– А вы сами видели когда-нибудь это страшилище?

– К сожалению, нет, но трое из сторожей видели его.

– Так почему же они не стреляли в него?

– Все трое уверяют, что стреляли!

– И из страха промахнулись, не правда ли?

– Нет, напротив, сторожа клянутся, что их выстрелы попали в привидение. Но действие их было такое же, как если бы перед ними было пустое пространство!

– Как их зовут, этих замечательных стрелков?

– Муллен, Прес и Стетсон.

– А они давно уже состоят у вас на службе?

– Стетсон – новичок. Он здесь еще не полных три месяца, зато Муллен и Прейс уже давно служат здесь в тюрьме. Муллен состоит сторожем уже чуть ли не десять лет, а Прейс, может быть, около пяти, – объяснил директор.

– Они вполне надежные, порядочные люди?

– По-моему, вполне.

– Иначе говоря, это люди, – продолжал сыщик, делая ударение на каждом слове, – которые абсолютно неподкупны, и которых не могут соблазнить никакие, хотя бы самые щедрые обещания?

– Видите ли, как известно, ни в чем нельзя так легко ошибиться, как в людях, и в душу этих трех сторожей я, разумеется, влезть не могу, но я лично считаю себя вправе называть их безусловно добросовестными, честными и неподкупными служащими.

– Сколько каждому из них лет?

– Муллену под пятьдесят. Прейсу около сорока, а Стетсону приблизительно тридцать пять лет.

– Когда стали появляться первые слухи о ночном привидении?

– Недель шесть тому назад.

– Кто первый увидел его?

– Один из пожизненно заключенных. В наших книгах он значится под фамилией Кон.

– Пожалуйста, расскажите мне все, что он вам сообщил, –

попросил сыщик, усаживаясь поудобнее в кресле и закури-
вая сигару. – Прежде всего, что этот Кон, интеллигентный
человек?

– Несомненно. Высшего образования он, правда, не полу-
чил, но он вполне развит и обладает совершенно здравым
рассудком. Он только притворился сумасшедшим, чтобы из-
бежать казни на электрическом стуле.

– Сколько времени уже находится он здесь?

– Уже лет двенадцать. Я говорил вам, мистер Картер, что
Кон заключен пожизненно.

– Ну что же рассказал он вам?

– Когда Кона привели сюда, в мой кабинет, он прежде все-
го сказал мне, что хорошо знает порядок и законы тюрьмы,
знает, что навсегда лишится права просить аудиенции, ес-
ли осмелится явиться ко мне с необоснованной жалобой. По
этой именно причине он долго не решался прийти ко мне со
своим странным сообщением. После этого предисловия он
начал рассказывать.

" – Мое сообщение, быть может, покажется вам нелепым,
господин директор, но выслушайте меня до конца, и вы пой-
мете, что дело идет об очень серьезном обстоятельстве.

– Прекрасно, – сказал я, – скажи, наконец, в чем же дело?

– В тюрьме нечисто: в ней бродит какой-то дух, – боязливо
шепнул он мне.

Я строго посмотрел на него, но он, не моргнув, выдержал
мой взгляд.

– Подождите, господин директор, – скромно сказал он. – Я констатирую вам не только сам факт появления этого духа, но и то дурное влияние, которое он имеет на моих товарищей. Если вам не удастся прекратить появление этого привидения, то в тюрьме скоро загуляет черт!"

– Я понял, на что он намекал, и позволил ему сесть. Он рассказал мне, что уже с неделю по коридорам и галереям тюрьмы, а также по некоторым камерам заключенных бродит какой-то дух, какой-то пришелец с того света, которому заключенные дали имя "Демон Даннеморы".

Далее Кон сообщил мне, что заключенные начали переговариваться о страшном явлении посредством перестукивания, и что волнение среди них возрастает с каждым днем.

Я спросил его, видел ли он сам этого духа; он сказал, что сам его не видел, но что уже очень много раз посредством стука получал от товарищей сообщение о новом появлении странного гостя. Вы, конечно, знаете, что среди заключенных выработалась особая, им одним известная, система переговариваться посредством постукивания в стенки камер. Каждый сигнал имеет свое особое значение, понятное только посвященному, и служащий для того, чтобы передавать из камеры в камеру даже самые сложные сообщения.

– Я хорошо знаю эту систему, – вставил знаменитый сыщик.

– Ну вот, – не без некоторой досады засмеялся директор, – в таком случае вы умнее меня и всех моих подчиненных,

вместе взятых. Я целых тридцать лет прослужил в качестве директора в самых различных тюрьмах, но об этой самой системе перестукивания успел узнать только то, что она существует.

– Позвольте, – вставил Ник Картер, – я хотел только сказать, что знаю основную систему такого перестукивания, но так как в каждой тюрьме она подвергается известным изменениям, то, конечно, я не могу знать всех тонкостей принятой в Даннеморе системы.

– Черт их там знает, какая у них система, – раздраженно сказал директор, – но факт тот, что мы могли бы переселить любого заключенного из прежней его камеры в какой-либо подвал, так он и там нашел бы возможность сообщить своим товарищам о постигшей его участи.

– Совершенно верно, я знаю, что таким путем уже составлялись целые заговоры, и подробно разрабатывался план всеобщего бунта. Но в данную минуту мне гораздо интереснее узнать те новости, которые были вам сообщены Коном, – заявил сыщик, стараясь опять навести разговор на интересующую его тему.

– Ну вот, товарищи сообщили ему, что в тюрьме появился дух, что дух этот есть сам дьявол, что он бесшумно бродит по коридорам и галереям, а через решетки и двери камер проходит так, как будто их и не существует совершенно. Говорили ему также, что он перелетает с галереи одного этажа на галереи, лежащие этажом выше или ниже, как птица,

хотя расстояние равняется, по крайней мере, 14 футам; что за спиной сторожей он пускается в дикую пляску и притом так бесшумно, что никто из стражников ничего решительно не замечает.

– Какие глупости! – заметил на это Ник Картер.

– По словам Кона, – продолжал директор, – этот дух пускается на самые разнообразные проделки. Он заходит в камеры, когда последние на ночь запираются тройными замками, трогает находящихся в них заключенных за лицо, будит их уколами булавок, трясет их и награждает оплеухами. Словом, этот странный гость делает все, чтобы породить в заключенных ужас и страх. И это ему вполне удалось: заключенные доведены до последней степени озверения!

– А Кон также находился в таком взволнованном состоянии? – поинтересовался сыщик.

– Нисколько! Он заявил к тому же, что он вообще не верит в духов, хотя тут же прибавил, что другие заключенные, напротив, более чем склонны верить всему этому.

– А каково вообще поведение этого заключенного?

– Он один из самых примерных, в смысле поведения, и ни разу не подавал повода к жалобам.

– Говорил ли он когда-либо, что питает надежду быть однажды опять помилованным и получить свободу?

– Конечно, все пожизненно заключенные втайне лелеют эту надежду – без нее они погибли бы!

– Я так и думал, – пробормотал Ник Картер. – По-моему,

он просто видит во всей этой истории удобный случай, который даст ему возможность бежать.

– Разумеется, он никогда ничего об этом не говорил, – слегка улыбнулся директор, – но повторяю, все пожизненно заключенные носят с мыслью о более или менее раннем освобождении.

– И эта мысль становится уверенностью, – добавил Ник Картер, – как только какой-нибудь особенно энергичный и отважный узник начинает видеть реальную возможность бегства. Да, господин директор, я, кажется, вижу уже, в каком духе мне придется действовать. Ну-с, а что же вы сказали Кону в ответ на его заявление?

– Я поблагодарил его за сделанные мне сообщения и отослал его с приказанием держать ухо востро и зорко следить за всем происходящим вокруг него. Через несколько дней я обещал снова позвать его к себе. После этого я вызвал к себе сторожей и с каждым из них говорил с глазу на глаз.

– Что же вы узнали?

– Почти что ничего. Все они слышали о том, что говорилось среди заключенных; некоторые из последних даже жаловались им, но они не обратили на эту болтовню никакого внимания.

– Понимаю. Какое же приказание дали вы сторожам?

– Почти такое же, как и Кону, то есть внимательно следить и потом сделать сообщение о своих наблюдениях.

– Что же вы потом узнали нового?

– Через два дня у меня был опять разговор с Коном, он сказал мне, что заключенные продолжали стучать, сообщая о появлении духа.

– Причем, конечно, за это время он и сам уже успел увидеть привидение? Не так ли?

– Совершенно верно, – подтвердил директор, – но откуда у вас такое предположение?

– Я говорил вам, что составил себе уже некоторый план. Но будем продолжать. Как описал духа господин Кон?

– Гм... Он говорил, что привидение имеет тот образ, который обыкновенно дают черту на картинах, только этот черт был гораздо меньше, чем он его себе представлял, не такой большой и не такой сильный.

– Иначе говоря, по наружности соответствовал приблизительно фигуре стройной женщины? – неожиданно спросил Ник Картер.

– Да, женщины или, быть может, мальчика, как говорил Кон.

Ник Картер понимающе усмехнулся и опять неожиданно спросил:

– Говорил ли Кон, что привидение заходило в его камеру? Директор утвердительно кивнул головой.

– И это, конечно, сразу исцелило его от неверия?

– Да, – согласился директор, очевидно, совсем не понимавший, к чему клонились вопросы сыщика. – Во второй раз Кон уже производил совершенно другое впечатление: он

был, видимо, крайне напуган.

– Еще бы, я не сомневался, что именно так это и будет.

Директор неожиданно встал и, качая головой, остановился перед сыщиком.

– Откровенно говоря, мистер Картер, вы просто смущаете меня своими загадочными вопросами и восклицаниями. Ну скажите, отчего вы непременно ждали, что Кон на сей раз будет напуган?

– Очень просто: потому что этот господин Кон только разыгрывал ту роль, которая была ему назначена во всей этой грандиозной комедии, – спокойно ответил сыщик, с улыбкой глядя на директора.

– Но ведь это тогда из рук вон что такое! – закипятился директор. – Но я ровно ничего не понимаю из ваших намеков.

– Выслушайте меня, милейший господин директор, – спокойно возразил Ник Картер, несколько раз затянувшись сигарой. – После того, как дух посетил уже некоторых заключенных, Кон посредством перестукивания получил от главного режиссера всей комедии поручение сделать вам заявление, что он и сделал. В награду за его сговорчивость ему обещали свободу, как только вся история приведет к желаемому концу.

Директор только покачал головой и ничего не ответил.

– Скажите-ка мне теперь, как велико расстояние между камерой храброго Кона и камерой Кварца? – с тонкой улыб-

кой осведомился Ник Картер.

– Их камеры расположены рядом, они соседи.

– А? В самом деле? Но я надеюсь, что вы разделили этих джентльменов с тех пор, как в тюрьме зашалила нечистая сила? – спросил сыщик, чрезвычайно заинтересованный.

– Нет, я этого не сделал, – возразил директор, – да и к чему же было отдавать такое распоряжение?

– Ничего. Тем удобнее для моего плана. Потому что, как только я несколько разберусь во всем этом деле, я попрошу вас призвать Кона сюда, а меня вместо него отправить в его камеру.

– Боже мой! Мистер Картер, вы шутите?

– Я никогда не шучу в таких делах, – сухо возразил сыщик.

– Праведный Боже! Но вы окончательно сбиваете меня с толку! – воскликнул директор и даже покраснел. – Что же вы думаете этим достигнуть? Вы не обманете ни одного заключенного, верьте мне!

– Я лучше поверю своему собственному убеждению, которое говорит, что такой обман во всяком случае удастся.

– Вы осрамитесь в тот самый момент, когда вам начнут стучать, и вы должны будете ответить.

– Может быть, я и осрамлюсь, а может быть, все-таки достигну этим того, что мне нужно, – с обычным своим хладнокровием возразил Ник Картер.

– Как хотите, – заявил, наконец, директор и, засунув руки в карманы, откинулся на спинку кресла, как человек, кото-

рый знает, что упрямого не переспоришь.

– Оставим пока этот вопрос, – сказал сыщик, смеясь, – рано еще решать его. Лучше скажите мне, часто ли вы еще вызывали к себе Кона?

– Да пожалуй, еще раз двенадцать.

– И господин Кон с каждым разом казался все более напуганным, не правда ли? – с иронией осведомился сыщик.

– Совершенно верно.

– Я полагаю, – продолжал допытываться Ник Картер, – что, кроме Кона, вы вызывали к себе и некоторых других заключенных?

– Несомненно. Я опросил, по крайней мере, человек шесть.

– И что же пели они вам?

– Приблизительно то же самое, что перед тем рассказывал и Кон.

– Они были действительно напуганы?

– Без сомнения и притом так, что о притворстве здесь не может быть и речи.

– Скажите, пожалуйста, милейший господин директор, давали вам другие заключенные описание демона?

– Разумеется, и все их описания совершенно совпадали друг с другом.

– Иными словами, все они видели настоящего черта с рогами, копытами и другими адскими атрибутами?

– Да, но иногда привидение являлось в красной мантии,

два раза оно было в развевающихся белых одеждах, а иногда этот дух приходил... гм, как бы мне выразиться, – директор откашлялся, – без всякой одежды, так сказать, голый.

– Фи, какое бесстыдство! Надо полагать, что на нем было все же трико, – засмеялся сыщик. – Впрочем, это безразлично, и костюм тут роли не играет. Мне гораздо важнее знать, всегда ли этот страшный дух походил фигурой на молодую девушку или мальчика, иначе говоря, был стройным, маленьким и грациозным?

– Всегда, – не задумываясь, ответил директор.

– Прекрасно! А где у вас помещается Занони?

– Странный вопрос. Разумеется, в женском отделении.

– Подавало ли ее поведение какие-либо поводы к жалобам?

– Никаких решительно, она ведет себя примерно. Притом она ведь умственно нормальная, как мы с вами.

– Что касается этого последнего, так я поручусь за это своей жизнью, – саркастически заметил Ник Картер. – Пользуется ли она какими-либо льготами или привилегиями?

– Абсолютно никакими.

– Не имеет ли она большей свободы передвижения?

– Ни большей, ни меньшей, чем все ее товарки.

– Видите ли вы иногда эту Занони?

– Еще бы, каждый день, на обходе.

– Какое она производит впечатление? Покорилась ли своей судьбе? Весела, старается ли вступать с вами в разговор?

– Иногда, но не всегда... Но к чему все эти вопросы?

– Скажите мне, пожалуйста, господин директор, – вместо ответа спросил Ник Картер, – знает ли в тюрьме еще кто-нибудь, кроме вас, о том, что вы меня вызвали?

– Никто решительно! – заявил последний. – За это я вам ручаюсь!

– Прекрасно! Вы постараетесь, конечно, и впредь, чтобы факт моего пребывания здесь продолжал оставаться тайной! А главное, чтобы Кварц и Занони остались в полном неведении об этом обстоятельстве! – сказал сыщик, повышая голос.

– Об этом не беспокойтесь, мистер Картер. Вы не проболтаетесь, а я тем более, и заключенные не узнают ровно ничего.

– Хорошо! В таком случае мы скоро поймаем этого духа, – зло усмехнулся Ник Картер.

– Дай Бог, чтобы вы имели успех. Если и вы не добьетесь никакого результата, то у нас разразится здесь ужасающий бунт, и Бог знает, кто из нас доживет тогда до следующего дня, – со вздохом сказал директор.

– Что произошло бы тогда, это я могу сказать вам в нескольких словах, – заметил Ник Картер. – Произошло бы именно то, чего добиваются Кварц и Занони. Они хотят подготовить вооруженный бунт, при усмирении которого вы и ваши подчиненные по возможности должны быть убиты. Еще до окончательного усмирения бунта тюрьма лишилась бы по крайней мере двух своих заключенных, а именно док-

тора Кварца и Занони. А теперь, милейший господин директор, – сказал сыщик после некоторого размышления, – я хотел бы лично удостовериться в том, насколько вы можете доверять сторожам Муллену и Прейсу.

– Если я не могу доверять этим двум людям, то готов усомниться в собственной порядочности! – сказал директор с раздражением.

– Прекрасно, пошлите мне их, пожалуйста, сюда в кабинет, одного за другим. Прежде всего мне хотелось бы видеть Муллена.

Последний был человек богатырского сложения, свыше шести футов ростом, поседевший на тюремной службе и, так сказать, сжившийся с ней. По приказанию директора он вошел в кабинет и остановился перед сыщиком, высокий, могучий, настоящее олицетворение силы и энергии.

– Садитесь, Муллен, – начал Ник Картер. – Мне нужно с вами переговорить. Сообщал ли вам директор, кто я?

– Нет, мистер.

– Ну-с, так я Ник Картер.

– Да? Я, кажется, уже слышал о вас, – равнодушно ответил Муллен, глядя сыщику прямо в глаза.

Но именно такое поведение очень понравилось Нику Картеру. Он начинал понимать неограниченное доверие директора к этому сторожу.

– Прежде всего, – сказал сыщик, – имейте в виду, что никто в тюрьме не должен знать о моем пребывании здесь.

– От меня во всяком случае никто ничего не узнает, – был лаконичный ответ.

– Кроме вас, я еще откроюсь вашему товарищу, Прейсу. Вы двое и директор будете единственными, кто будет знать о моем присутствии здесь. А теперь, Муллен, скажите мне, видели ли вы этого знаменитого "Демона Даннеморы"?

– Видел!

– Где?

– В двух или трех местах, но всегда вдоль галерей.

– Видели ли вы когда-нибудь, что дух исчезает за решетками дверей, как утверждают заключенные? – продолжал расспрашивать Ник Картер.

– Да, мне казалось, что привидение скользнуло сквозь решетку.

– А вы стреляли в него?

– Стрелял.

– Сколько раз?

– Четыре раза, каждый раз, когда я его видел.

– Вы хорошо стреляете?

– Говорят, что да! Мне даже кажется, что большей меткости нельзя требовать от смертного.

– Хорошо! Скажите, пожалуйста, Муллен, так вы думаете, что попали в привидение? – спросил сыщик.

– Разумеется, попал.

– Произвел ли ваш выстрел какое-либо впечатление на духа?

– По-видимому, никакого.

– Тем не менее, вы вполне убеждены, что ваша пуля попала в цель?

– Вполне.

– Я готов вам верить, Муллен, но как же вы объясняете себе такое противоречие? – спросил сыщик, откидываясь на спинку кресла и в упор глядя на своего собеседника.

– Этого я не знаю, – сказал Муллен, пожимая плечами.

– Вы верите в привидения?

– Нет, – проворчал сторож.

– Значит, вы и "Демона Даннеморы" не признаете выходцем с того света? – настаивал Ник Картер.

– Нет.

– Что же тогда такое, по-вашему, этот демон?

– Не знаю.

– Но кто это, по крайней мере? Мужчина?

– Во всяком случае ни один из тех мужчин, которые находятся здесь в тюрьме.

– Откуда вы это знаете?

– Я вижу по фигуре. У нас здесь довольно много тщедушных мужчин, но такого миниатюрного все же нет.

– Может быть, это женщина?

– Если судить по фигуре, то да.

– Следовательно, вы считаете этого демона женщиной?

– Я готов повторить, что это так.

– Хорошо. Но если это привидение – человек с плотью и

кровью, как же ваши четыре пули, несмотря на то, что все четыре попали в цель, не уложили или хотя бы не ранили его? Можете вы мне это объяснить?

– Нет, мистер, не могу, разве что...

– Ну, что вы хотели сказать? – с живейшим интересом спросил сыщик, видя, что собеседник его замялся.

– Видите ли, я думаю, что демон носит непроницаемый панцирь.

– Какого калибра ваш револьвер?

– Обыкновенного казенного калибра 38.

– А после выстрела вы не пробовали искать пули? Не попадали ли они в стену?

– Я всякий раз делал тщательное исследование, но ни разу ничего не нашел.

– Да, но куда же тогда девались пули?

– Не знаю, можно подумать, что демон ловил их зубами, – злобно усмехаясь, проворчал старик.

– В какую часть тела целились вы? – спросил сыщик.

– В сердце, так как в этом случае трудно промахнуться.

– А в голову вы не пробовали стрелять?

– Нет, это чрезвычайно маленькая цель, тем более, что в коридоре ночью почти темно.

– Это, конечно, верно. В таком случае, посоветую вам взять следующий раз револьвер большего калибра.

– Слушаюсь! Боюсь только, что до следующего раза не дойдет.

– Отчего же? – с удивлением спросил Картер.

– Привидение почему-то стало избегать меня, быть может, моя последняя пуля несколько расстроила его пищеварение. Мне показалось, что я услышал какой-то тихий стон, и с тех пор привидение больше не попадалось мне на глаза и появляется всегда в те ночи, когда не я дежурный.

– Приведение каждый раз являлось вам в одном и том же образе? – продолжал спрашивать Ник Картер.

– Первые три раза оно совершенно походило на черта, как его всегда изображают на картинах, только кажется, рога почему-то остались дома. В последний же раз оно скорее походило на молодую девушку в ночной сорочке.

– И вы выстрелили в молодую девушку?

– Разумеется, – сердито буркнул Муллен. – Баба или мужчина – это мне все равно, пускай не разгуливает по ночам!

– Каждую ли ночь появляется дух?

– Почти каждую. Но в духов меня все равно не заставят поверить – это чепуха. Пускай мои пули вылетели даром – объяснение этому какое-нибудь да есть, и вы увидите, мистер Картер, что я был прав.

– Может ли арестантка женского отделения незаметно перейти в отделение мужское?

– Нет, ни днем, ни ночью. Между обоими флигелями находится главный корпус здания, которого никак нельзя миновать.

– Бывали ли вы в женском отделении?

– Теперь уж много лет не бывал, так как не чувствую никакой потребности в женском обществе, – проворчал Муллен.

– Господин директор, – обратился к последнему Ник Картер, – прошу вас завтра на обход в женском отделении взять с собой сторожа Муллена.

– Хорошо, мистер Картер.

– Что касается вас, Муллен, – продолжал сыщик, – то глядите завтра в оба и посмотрите, не найдете ли среди женских заключенных фигуру, которая будет иметь некоторое сходство с таинственным ночным посетителем тюрьмы.

– Слушаюсь, хотя на баб предпочитаю смотреть более со спины, чем в лицо.

– Ну-с, Муллен, а какое же действие производит на заключенных появление духа? – спросил сыщик, переводя разговор на другую тему.

– Неладно все это, совсем неладно, – озабоченно заметил сторож. – Заключенные обезумели от страха и делаются строптивыми и злобными. Если безобразия это не скоро прекратятся, то через несколько дней у нас в тюрьме будет бунт, и бунт нешуточный, от которого, быть может, многие раньше срока отправятся на тот свет.

– Другими словами, заключенные начинают волноваться?

– Какое волноваться! Они все взбесились! Ночью невозможно удержать их в покое, они свистят, поют, точно за все это не назначены штрафы и розги; но если бы начать наказывать, то пришлось бы каждую ночь сечь всех арестованных

без исключения – они просто уже не помнят себя от страха.

– А вы не пробовали караулить привидение, чтобы иметь возможность несколькими сторожам сразу напасть на него? – спросил Ник Картер.

– Разумеется, пробовали, – ответил Муллен, – но в том-то и беда, что как только мы выставим караульных, так дух уже наверняка не покажется. Но стоит только отменить караул – и через десять минут уже вся тюрьма на ногах. Вой, крик такие, что хоть уши затыкай! Словом, настоящая чертовщина. Занимательно при этом, что привидение всегда появляется там, где случайно стоит только один сторож, если их стоит два, дух не покажется там ни за что.

– В таком случае проще всего было бы расставлять всюду по два сторожа.

– Это невозможно, – вставил директор. – На это у нас не хватает персонала. Наши люди и без того все это время несут сверхсрочную службу. Коридоров и галерей много, и на каждый полагается только один сторож.

– Но каким же путем проникает демон в тюрьму? – спросил сыщик, уже начиная терять терпение.

– Разрежьте меня на части, – возразил директор, – но я не знаю.

– Директор прав, – злобно сказал в свою очередь Муллен. – Откуда является привидение, куда оно исчезает, никто не может сказать. Это-то и есть самое непонятное и таинственное. Оно появляется так внезапно, так неожиданно,

точно в самом деле это сам черт, и так же внезапно оно опять исчезает. Одно только нам удалось установить: оно всегда исчезает в одном и том же месте.

– А именно? – с живейшим интересом спросил сыщик.

– Где-то возле камеры 79.

– А кто помещается в этой камере? – спросил Ник Картер директора.

– В 79? Это камера доктора Кварца! – был ответ директора.

Это сообщение произвело, видимо, очень большое впечатление на великого сыщика. Он сидел некоторое время молча, обдумывая все слышанное, и наконец снова обратился к Муллену.

– Ну хорошо, Муллен, может быть, дух исчезает сквозь решетку этой камеры 79? – спросил сыщик.

– Во всяком случае это именно так и выглядит.

– Не пытались ли вы отрезать духу путь к отступлению?

– Разумеется, пытались, но он достаточно осторожен для того, чтобы заранее предупреждать всякую такую попытку.

– Ага! А не пробовали вы, Муллен, спрятаться где-нибудь по соседству с номером 79? – продолжал расспрашивать сыщик.

– Пробовал. Но дух тогда не появлялся.

– Сделали ли вы обыск в камере 79?

– Как же, делал, но ничего не нашел: железная решетка в порядке, замок действует исправно, на полу и стенах тоже

ничего не заметно подозрительного.

– И тем не менее, привидение регулярно исчезает в этой камере?! Действительно, есть над чем задуматься! Ну, а появляется оно, вероятно, тоже оттуда же?

– Этого уж я не могу вам сказать, мистер Картер. Я уж говорил вам, что дух появляется всегда внезапно, и вы вообще узнаете о его появлении только по поднимающемуся крику и вою среди арестантов. Вы бежите туда, откуда доносится этот чертовский шум, и видите духа, пляшущего на галерее, над вашей головой; только вы добежите до галереи, а он уж двумя этажами ниже. Точно вы гонитесь за назойливой мухой, которую все равно не поймаете, и которая в конце концов еще сядет вам на нос.

– Очень мило, – улыбнулся Ник Картер. – Ну-с, Муллен, благодарю вас, сегодня вы мне больше не нужны. Теперь, пожалуйста, пошлите мне сюда Прейса.

Через несколько минут последний явился. Среднего роста, но плотный и коренастый, он, видимо, обладал громадной физической силой. Выражение лица у него было грубое и несколько напоминало бульдожье. Но взглядевшись поближе, в маленьких заплывших глазках его можно было подметить даже некоторый оттенок добродушия.

– Скажите, Прейс, – обратился к нему Ник Картер, – Муллен только что рассказал мне о страшном привидении здесь в вашей тюрьме, теперь я хотел бы узнать, какое у вас мнение на этот счет.

– Гм... Вероятно, такое же, как и у Муллена.

– Сколько раз вы видели духа?

– Два раза.

– Вы стреляли в духа?

– Стрелял, но только один раз, – ответил сторож нерешительно. – Дело в том, что во второй раз привидение явилось в образе молодой женщины в ночной сорочке, ну и я выстрелить в нее не мог, хотя это и было против правил, – чисто-сердечно признался он.

– И вы уверены, что это была настоящая, живая женщина?

– Разумеется, иначе я выстрелил бы.

– Но ведь это дух или даже черт? – с улыбкой сказал Картер.

Сторож тоже улыбнулся и добродушно ответил:

– Все это чепуха, мистер Картер. Привидений не бывает, это несомненно. Кто у нас разгуливает, я не знаю, потому что вся эта проклятая история совершенно непонятна. Но что это человек, так это не подлежит сомнению и притом по всей вероятности женщина, потому что для мужчины фигура не подходит.

– Каким же образом, по-вашему, может появляться этот дух?

Прейс медлил, он нерешительно поглядывал на директора и переминался с ноги на ногу.

– Видите ли, – наконец начал он, запинаясь, – господин директор, быть может, рассердится на меня, но если меня

спрашивают, обязан же я сказать правду.

– Ага, – иронически засмеялся над ним директор, – опять собираешься преподносить дурацкую историю старика Гаммонда. Неужели тебе еще не надоели эти детские басни?

– Так вот, мистер Картер, – с упрямством обратился Прейс к сыщику, – то, что господин директор назвал баснями, и мне казалось вздором до того самого времени, когда у нас началась эта проклятая история с духом. Но потом, когда пошли эти безобразия, я в своей башке решил, что, может быть, тут что-нибудь да есть.

– Говорите яснее, Прейс, а то я вас не могу понять!

– Хорошо. Когда я поступил сюда на службу, я сменил одного старого сторожа, уже ставшего неспособным к труду; его зовут Гаммонд, и он сейчас еще живет тут поблизости. Этот самый Гаммонд много лет прослужил здесь сторожем и надзирателем. Ему теперь уже за восемьдесят лет, и люди говорят, что он уже впал в детство, но это неправда, он только очень слаб, но разум у него еще совершенно здравый. Он всегда был очень неглуп, а то, что он рассказывает много странного о здешней тюрьме, это я готов повторить, ей-богу, господин директор, смейтесь надо мной, но это так!

– Хорошо, хорошо, продолжайте, – успокаивал его директор.

– Так вот лет двадцать тому назад был здесь в тюрьме один арестант, по имени Рулоф. Он сидел здесь не за какую-нибудь мелочь, а за убийство целой семьи. По профессии он

был слесарь и механик, и если правда хоть половина того, о чем рассказывают, то и тогда он должен был быть гениально-ловким специалистом. В тюрьме он сидел уже лет десять-одиннадцать, как вдруг в одно прекрасное утро камера его оказалась пустой, а сам он исчез бесследно. Все попытки найти его оказались тщетными; он пропал, точно его проглотила сама земля.

– Ага! Он, вероятно, содержался в камере 79? – спросил Картер, чрезвычайно заинтересованный.

– Вы угадали. Он сидел в этой камере и под такими же точно засовами и замками, как и все остальные заключенные.

– Неужели в камере не было никаких следов, которые как-нибудь объясняли это таинственное исчезновение?

– Никаких решительно, мистер Картер. Эта камера считается самой надежной в целой тюрьме и была совершенно нетронута, такая, как вот сейчас. Старик Гаммонд уверял, что целые недели он все обшаривал ее, твердо убежденный в том, что Рулоф выкопал себе там дыру или что-нибудь подобное. Но он не нашел ничего, ни даже мышьи норки. Рулоф так и исчез, точно за ним явился сам черт.

– Сколько лет было тогда Рулофу?

– Да лет 35. Он поступил в тюрьму еще совсем молодым, 24 лет, и, как говорят, выглядел совсем молокососом. Но в рассказах старика Гаммонда примечательно еще одно обстоятельство.

– Ну, ну, говорите, – ободрял его Картер.

– Гаммонд утверждает, что Рулоф принадлежал к числу механиков, работавших при постройке того флигеля тюрьмы, в котором находится камера 79. Поэтому-то старик Гаммонд и клянется всем, что у него есть святого, что существует тайный подземный ход, который из камеры 79 ведет куда-нибудь за пределы тюрьмы. Он не раз докладывал об этом начальству и все просил совершенно снести эту часть здания, чтобы найти этот тайный ход. Но об этом и слышать никто не хотел: ни господин директор, ни его предшественники. Напротив, над стариком Гаммондом только смеялись и говорили, что он просто выжил из ума.

– Вы так защищаете этого старика, что можно подумать, что вы с ним в родстве, – с улыбкой заметил Ник Картер.

– Да это так и есть: он мой тесть!

– Вот как. Я ничего не знал об этом! – с удивлением заметил директор.

– Я так часто слышал от тестя всю эту историю, – продолжал Прейс, – что теперь, когда так называемый демон начинает достаивать нас своими посещениями и, по-видимому, каждый раз исчезает в камере 79, я начинаю верить, что во всем этом есть некоторая доля правды.

– Да, это во всяком случае крайне серьезное сообщение, – задумчиво сказал сыщик. – Но все-таки это не объясняет, каким образом женщина, одетая в трико, может подвергаться выстрелам из револьвера калибра 38 и оставаться совер-

шенно невредимой.

– Да, я и об этом говорил с Гаммондом, – возразил сторож. – Он и для этого находит объяснение; если угодно, я могу его сообщить.

– Разумеется, разумеется, рассказывайте.

– Г-м, – опять заговорил Прейс со свойственной ему добродушной медлительностью, – вы, господин Картер, вероятно, еще помните сумасшедшего немецкого портного – его звали, кажется, Дове, из Маннгейма?

– Да, его имя мне известно, – с какой-то странной улыбкой ответил сыщик. – Человек этот был вовсе не такой уж сумасшедший, он изобрел непроницаемый для пуль панцирь или, вернее, рубашку, под которой человек оставался совершенно неуязвимым. Изобретение это наделало в то время довольно много шума, и Дове даже вступил в переговоры с нашим военным министерством. Но сделанные потом опыты доказали, что панцирь защищал человека только в том случае, когда пуля попадала в него по косой линии, по прямой же линии она пробивала панцирь насквозь.

– Совершенно верно, – подтвердил Прейс, – и изобретение таким образом с треском провалилось.

– Не совсем, – остановил его сыщик, – я знаю одного человека, и притом единственного сына моего отца, который носит такую рубашку и даже усовершенствовал ее настолько, что она сделалась действительно вполне надежной защитой от пуль, но, – прибавил он, желая предупредить всякие во-

просы со стороны своих удивленных слушателей, – это только между прочим и, пожалуйста, пусть останется между нами, потому что, если бы я громогласно сообщил о своем изобретении, то все преступники вскоре ходили бы в панцирях и задача моя, и без того уже нелегкая, сделалась бы еще труднее.

– Ну вот, – продолжал свой рассказ Прейс, – если верить моему тестю, то и Рулоф хвастался тем, что сделал такое же изобретение.

– Это весьма интересная новость, – сказал Ник Картер, – не понимаю только одного: какое отношение имеет этот Рулоф, уже почти 20 лет тому назад улизнувший из тюрьмы, к тому привидению, которое здесь появляется.

– Гаммонд думает, что Рулоф после своего бегства никогда не покидал окрестностей тюрьмы и живет себе до сих пор где-нибудь поблизости от нее. Даже больше, Гаммонд совершенно серьезно утверждает, что Рулоф посещает тюрьму по одному ему известному потайному ходу и таким образом, со времени своего бегства играет по отношению к заключенным роль своего рода ангела-хранителя.

– Вздор! – со злостью вскричал директор. – Ведь это просто нелепость!

Вместо ответа Прейс только пожал плечами.

Ник Картер ничего не сказал на это и только через несколько минут снова возобновил разговор:

– Я верю, что человек в течение долгого времени, при на-

стойчивости и терпении, может сделать многое, хотя бы, например, прорыть подземные ходы, существование которых кажется почти невысказанным. В истории тюрем можно найти тому немало примеров.

– Послушайте, Прейс, – обратился директор к надзирателю, – уж не утверждает ли ваш тесть, что Рулоф сам играет роль таинственного демона?

– Нет, он и не думает утверждать этого, и только полагает, что Рулоф дает ему возможность разыгрывать эту комедию.

– Но ведь все совершенная нелепость! – сердился директор. – Если Рулоф здесь живет по соседству и, как вы говорите, имеет свободный доступ в тюрьму таким образом, что не только может входить и выходить из нее, когда ему будет угодно, но и в состоянии оказывать заключенным всякого рода содействие в этих фокусах, то почему же, скажите на милость, Кварц и Занони остаются здесь в тюрьме, а не сбегут просто с помощью Рулофа? Кто мог бы им помешать исчезнуть так же внезапно и непонятно, как в свое время исчез Рулоф?

Сыщик кивнул головой, так как сам уже готовился задать этот вопрос.

– Гаммонд думает, что Рулоф пока не желает их выпускать, – возразил Прейс.

– Но как же он может помешать им, если сам показал им тайный ход?

– Вот в том-то и дело, что пройти его, вероятно, не так уж

просто, и без содействия Рулофа это им не удастся.

– Прейс, – перебил его сыщик, видимо, занятый какой-то мыслью, – не знает ли ваш тесть, где можно найти этого самого Рулофа?

– Я думаю, что знает, мистер Картер.

– Не согласится ли он сказать, где именно?

– Почему же нет, он всегда будет рад помочь своему бывшему тюремному начальству.

– Господин директор, нельзя ли будет дать Прейсу на несколько дней отпуск? – обратился сыщик к начальнику тюрьмы.

– Разумеется, если вы этого желаете.

– Прекрасно! Так отправляйтесь, Прейс, сейчас же к вашему тестю, переговорите с ним еще раз и постарайтесь узнать, где можно найти этого Рулофа. По дороге пошлите эту телеграмму, – продолжал Ник Картер, набросав на бумаге несколько слов, – я пишу своему старшему помощнику Дику, чтобы он немедленно явился сюда. – А вы, как только узнаете что-нибудь более или менее определенное, немедленно дайте знать об этом вашему начальнику или мне.

Когда за надзирателем закрылась дверь, директор встал и, качая головой, подошел к Картеру.

– Скажите, мистер Картер, неужели вы верите во всю эту чепуху? – спросил он.

– Разумеется, верю, – задумчиво ответил сыщик, и когда директор, видимо, возмущенный, хотел отвернуться, Картер

удержал его за рукав и сказал:

– В качестве криминалиста я привык не брезговать решительно ничем, что так или иначе касается разбираемого мной дела. В девяти случаях из десяти я попадаю от этого на ложный путь. Но я готов ошибиться девять раз, если только на десятый выберусь на настоящую дорогу.

– Ну, на сей раз это не будет указанным десятым случаем, – иронизировал директор.

– Почему знать, я вот, например, совершенно уверен в существовании этого непроницаемого для пуль панциря, – невозмутимо продолжал Ник Картер.

– А мне, напротив, это именно кажется самым слабым местом во всей истории, – засмеялся директор.

– Я совершенно другого мнения. Я думаю, напротив, что это и есть тот пункт, с которого нам надо начать, и притом меня навело на это одно замечание, которое сделал Муллен.

– А какое же именно, интересно будет знать? – проворчал директор, со вздохом усаживаясь снова в кресло.

– Слышали ли вы, что Муллему показалось, будто явившееся тогда в образе девушки привидение тихо застонало, когда пуля, по-видимому, попала в цель?

– Слышал, ну и что же?

– И вы, и я исходим из того предположения, что за таинственным духом скрывается настоящее живое существо. Мы знаем, что пуля такого калибра, какой стрелял Муллен, должна насквозь пробить человеческое тело, если оно не бу-

дет прикрыто панцирем.

– Совершенно верно, но...

– Хорошо, – продолжал сыщик, – если бы означенное лицо носило панцирь стальной, то удар такой пули мог бы, правда, заставить его потерять равновесие, но никак не мог бы произвести такого сильного действия, чтобы вырвать у пострадавшего стон. Другое дело, если панцирь сделан из непроницаемой для пуль мягкой материи; в этом случае пуля может действительно так чувствительно ударить, что всякий человек невольно застонет.

– Может быть, – заметил директор, с трудом скрывая зевоту. – Я во всяком случае не совсем постигаю всей этой мудрости. Ну-с, а теперь вы, вероятно, хотите допросить Стетсона? – прибавил он, вставая.

– Нет, благодарю вас, – равнодушно возразил сыщик. – Не будем отрывать его от работы.

– Но этот надзиратель тоже утверждает, что видел духа и тоже стрелял в него.

– Знаю, но вы говорили мне также, что он только всего несколько месяцев состоит на службе в Даннеморе; поэтому я не только не буду его допрашивать, но даже прошу не говорить ему о моем пребывании здесь.

– Но отчего же, мистер Картер? – с удивлением спросил директор.

– Очень просто, – пояснил сыщик. – У этого доктора Кварца есть целый ряд приверженцев. Представьте себе, что

кому-либо из этих последних удалось как-нибудь попасть в здешние тюремные сторожа. Я не хочу сказать этим, что Стетсон непременно сообщник Кварца. Но во всяком случае я его не знаю и не желаю рисковать.

– Как хотите! Но в таком случае, что прикажете делать дальше?

– Пришлите мне, пожалуйста, этого Кона, о котором вы говорили. Мне надо с ним переговорить, а потом я собираюсь занять его место в камере рядом с доктором Кварцем.

* * *

– Тебя, кажется, зовут Кон? – обратился Ник Картер к заключенному, когда его привели в кабинет.

– Возможно, но меня так давно уже не звали по имени, что я даже и забыл, как меня зовут, – ответил арестант хриплым голосом.

Это был дюжий, довольно интеллигентный на вид мужчина лет пятидесяти, настоящий тип арестанта: приниженный, раболепный, как волк на цепи, который боится плетки и притворяется ручным, даже лижет руку своего сторожа, но втайне только и выжидает случая, чтобы броситься на него и разорвать свои оковы.

– Без сомнения, ты питаешь надежду, что рано или поздно будешь помилован? – спросил сыщик.

– Нет, мистер, я навеки похоронил всякую надежду на по-

милование.

– Тогда, значит, ты рассчитываешь на какой-нибудь счастливый случай, который даст тебе возможность бежать? – продолжал Ник Картер, в упор глядя в глаза арестанта.

Последний невольно вздрогнул.

От долгого пребывания в тюрьме щеки его стали настолько бледными, что трудно было заметить, побледнел ли он еще больше или нет. Только вокруг губ, прикрывавших некрасивые желтые зубы, что-то задрожало. Зоркий глаз сыщика хорошо подметил эту предательскую дрожь и он понял, что вопрос его задел арестанта за живое.

– Нет, мистер, – однако, ответил тот, как-то неестественно растягивая слова, – об этом я и думать не смел.

– Не ври, братец, я хорошо знаю, что доктор Кварц обещал тебе устроить возможность совместного побега!

Напрасно сыщик не спускал глаз с лица арестанта: оно даже не дрогнуло, только лукавый взор опустился к земле, как бы боясь выдать затаенную мысль.

– Никто не давал мне подобного обещания, – возразил он своим хриплым голосом, своеобразный характер звучания которого сыщик постарался хорошо запомнить.

– Но ведь не мог же он обещать тебе денег за участие в разыгрывании этой чертовой комедии, тебе деньги здесь не нужны, – с иронией заметил сыщик.

– Не знаю, о чем вы говорите! – упрямо ответил арестант.

– Неужели не знаешь? Хорошо, в таком случае будем го-

ворить о чем-нибудь другом, более тебе знакомом. Когда ты в первый раз увидел духа? Ведь это ты сумеешь мне рассказать, а?

– Это было тогда, когда я в первый раз просил аудиенции у директора.

– Ты видел демона накануне, ночью, не правда ли? – быстро спросил сыщик, стараясь поймать его в ловушку.

– Да, накануне, ночью.

– Странно! А директор рассказывал мне, что в первый раз ты говорил, будто сам еще не видел привидения, но получил известия о его появлении от других заключенных. Как ты объяснишь такое противоречие?

– Гм! Не знаю, – упрямо пробормотал попавший в ловушку Кон. – Наш брат, арестант, перестает вести счет времени. С вами было бы то же самое, если бы вы были на моем месте. Кроме того, я так часто видел с тех пор духа, что, право, не помню, видел ли я его уже до аудиенции у директора или только после нее.

Ник Картер чувствовал, что Кон лгал, но во всяком случае настолько ловко, что сыщик решил пока не продолжать разговора на эту тему и спросил неожиданно:

– С доктором Кварцем, своим соседом, ты без сомнения, живешь в большой дружбе?

– Какая же возможна дружба между людьми, которых разделяет сплошная стальная стена в 18 дюймов толщины?

– Сознайся, что эта стена не всегда разъединяет вас?

– Я вас не понимаю, – хладнокровно заявил арестант. – Разве только, что привидение отодвинет когда-нибудь эту стену.

– В этом я нисколько не сомневаюсь, – с иронией заметил на это сыщик. – Вчера ночью дух, разумеется, опять появился?

– Да! Я сам видел его.

– А кто видел его, кроме тебя?

– Некоторые из других заключенных.

– А сторожа видели духа? – продолжал допытываться сыщик.

– Не думаю, – нехотя ответил арестант. – Он избегает встречи с ними:

– Послушай, Кон, почему ты все время говоришь о "нем"? Ведь отлично знаешь, что под таинственным посетителем скрывается женщина.

Во второй раз сыщик заметил, как арестант смутился, недоверчиво, искоса посмотрел на него, а затем сейчас же опустил глаза. Это окончательно убедило Картера, что он находится на верном пути, и что Кон знает больше, нежели хочет показать.

Сыщик встал, взял арестанта за руку и подвел его к зеркалу, висевшему в простенке между двумя окнами кабинета. Здесь он повернул Кона таким образом, чтобы лицо его было обращено прямо к свету.

– Пстой-ка здесь, братец, – приказал сыщик тоном, не

допускающим противоречия, и придвинул столик, на котором стал раскладывать белила, тушь, цветные карандаши – весь реквизит, необходимый для гримировки.

Затем с улыбкой повернувшись к удивленно смотревшего на него директору тюрьмы, сказал:

– Хотите присмотреться к моему искусству? Я готов познакомить вас с одним из моих маленьких секретов. Но, пожалуйста, пообещайте господину Кону посадить его на два дня на хлеб и воду в темный карцер, если он посмеет шевельнуться! Ну вот! А теперь за дело.

С этими словами сыщик разделся до белья. Затем выкрасил себе шею, лицо и руки краской, покрывшей их той болезненной бледностью, которая свойственна всем заключенным, прожившим долгое время в тюрьме.

– У тебя очень большая голова, Кон, но я тебе очень за это благодарен, так как случайно и я могу похвастаться такой же головой и поэтому буду поразительно похож на тебя, – смеялся сыщик, продолжая свою работу, между тем как арестантом начинало овладевать видимое беспокойство.

– Очень приятно, что не надо будет пожертвовать собственными волосами; я могу воспользоваться париком... ну, хотя бы этим.

Сыщик, доставший из бездонных карманов своего сюртука несколько париков, начал сравнивать их с волосами арестанта и наконец остановился на более подходящем.

С ловкостью профессионального парикмахера он принял-

ся стричь волосы парика до тех пор, пока тот не стал совершенно похожим на гладковыбритый череп арестанта. Затем Картер надел парик, быстро натянул уже принесенный сторожем арестантский халат и, подойдя к зеркалу, начал рисовать себе лицо разными карандашами.

Когда он, наконец, закончил и повернулся к директору, тот так и ахнул: действительно, установить какое-либо различие между сыщиком и арестантом было почти невозможно.

Каждая черта лица, каждая мелочь были у обоих совершенно тождественны. Мало того, Ник Картер с невероятной правдоподобностью сумел подделать даже не то напуганное, не то упрямое выражение лица арестанта, который стоял теперь, совершенно растерявшийся, не веря своим глазам.

– Ну что, господин директор? Каково сходство? – спросил сыщик, налюбовавшись на изумленные физиономии директора и Кона.

– Вы – волшебник, мистер Картер, – пробормотал директор. – Я думаю, сам Кон не знает теперь, который именно он из вас двух.

– Ну, я ему помогу в этом случае, – пошутил сыщик. – Я был бы вам весьма признателен, господин директор, если бы вы теперь оставили нас одних: я хочу взять у него несколько секретных уроков.

Директор направился к выходу.

Ник Картер подождал, пока дверь за директором закры-

лась, и затем обратился к арестанту.

– Кон, я думаю, ты догадываешься, с какой целью я устроил этот маскарад?

– Разумеется, – согласился тот. – Сегодня ночью вы хотите запереться в моей камере – вот и все.

– Ты не дурак, – сказал сыщик и сухо засмеялся.

– Скажи-ка, братец, – прибавил он затем, – не думаешь, ли ты, что сегодня ночью мне удастся разузнать добрую долю ваших секретов?

– Может быть, – пробормотал Кон, притворяясь равнодушным, но сыщик видел по беспокойному огоньку в его глазах, что ему это было далеко не так безразлично.

– Ты отлично знаешь, Кон, что тебе придется плохо, если я раскрою ваши хитросплетенные проделки. Тебя не только лишат всех твоих привилегий, но разжалуют в низший разряд арестантов, а карательную машину ты, я полагаю, тоже не особенно любишь, а?

Чуть заметная дрожь пробежала по телу арестанта, быть может, он имел уже случай познакомиться с этим в высшей степени неприятным изобретением. Такая машина чрезвычайно проста и вместе с тем причиняет самую сильную боль, она состоит из большого махового колеса, подвижные спицы которого сделаны из крепкого бамбука и при каждом повороте колеса поочередно со всего размаха ударяют по козлам, к которым привязывается кандидат на исправление. Колесо связано с часовым механизмом, посредством которо-

го регулируются скорость и сила ударов. Эффект получается полный, и та округлая и, собственно говоря, ненужная часть человеческой спины, в том месте, где она уже теряет это свое благородное название, становится в результате настолько чувствительной, что в ближайшие дни охотно избегает всякого рода сидений.

– Подумай, как следует, ты видишь, что дело обстоит для тебя весьма плохо, – продолжал сыщик, – так как что-нибудь да я узнаю сегодня ночью, а тогда тебе уже не избежать карательной машины. Было бы поэтому гораздо благоразумнее с твоей стороны помочь мне в моем деле, за что я обещаю тебе не только совершенно умолчать обо всем компрометирующем тебя, но даже выхлопотать тебе еще новые привилегии.

По всему было видно, что в душе Кона происходит сильная внутренняя борьба. Ник Картер не мешал ему думать и только после продолжительной паузы спросил вдруг: – Ну что ты хотел бы, например, иметь?

– Гм... Тройную порцию табаку, – сказал арестант.

– Прекрасно, тебе будут выдавать, сколько твоей душе угодно. Но, разумеется, только при том условии... чтобы ты посвятил меня в тайны практикуемой здесь системы перестукивания.

После некоторого раздумья Кон, наконец, согласился и в продолжение следующего получаса сыщик изображал роль ученика, а арестант – учителя. Система оказалась довольно схожей с теми, которые вообще выработались в разных тюрь-

мах, и имела только незначительные от них отклонения.

По окончании урока Кон был посажен в камеру для буйных, в которой обитые подушками стены исключали всякую возможность переговоров с другими арестантами. Ник Картер же под номером 78 сделался временным соседом знаменитого доктора Кварца.

* * *

Наступила ночь. Камера Ника, как и все другие камеры, освещалась только слабыми отсветами немногих, горевших в коридоре газовых рожков. Все тише и тише становилось вокруг, только время от времени из какой-либо камеры доносился кашель или храп, или раздавались тяжелые шаги обходивших галереи дежурных надзирателей.

Ник Картер, разумеется, не шевелился. Сосед его в № 79 тоже не давал о себе знать. Несколько раз сыщик слышал тихие, раздававшиеся через определенные промежутки времени удары – то перестукивались арестанты.

Наконец, вскоре после полуночи, Ник услышал тихий стук в стенку, отделявшую его камеру от № 79.

– Стук! стук! стук! – послышалось ясно и отчетливо.

– Ты еще не спишь? – спрашивали его.

Ник Картер сейчас же простучал ответ и стал ждать. Через несколько времени послышался новый вопрос:

– Что такое? Почему ты молчишь?

– Я болен, – простучал сыщик, – голова болит.

После некоторой паузы стук повторился:

– Зачем звал тебя директор?

– Все та же история, – ответил Ник, – по поводу духа.

– Что же он спрашивал?

– Ничего нового.

– Бунта не боятся?

– Боятся.

– Ну, и пусть, теперь уже скоро начнется.

Затем на довольно продолжительное время восстановилась тишина, Ник думал уже, что в эту ночь не будет больше разговаривать, как вдруг Кварц снова начал стучать.

– Будешь работать сегодня ночью? – спросил он.

– Нет! – ответил сыщик, хотя, конечно, понятия не имел, о какой такой работе говорил Кварц, но именно потому безопаснее всего было ответить "нет".

– Напрасно теряешь время, – послышалось из соседней камеры, – разве ты чувствуешь себя так плохо?

– Да, голову так и ломит.

Опять довольно продолжительная пауза и опять вопрос:

– Не выписал ли директор кого-нибудь из Нью-Йорка?

– Этого я не знаю.

– И директор ничего не говорил тебе о каком-нибудь приезде? О том сыщике, знаешь, о котором я тебе рассказывал?

– Ничего, – лаконично ответил Картер, решив, что лучше

всего отзываться как можно более коротко.

– Берегись этого человека! Вот увидишь, он явится раньше, чем нам это будет желательно.

– Не бойся! Я настороже.

– На галерее теперь нет никого. Я приду к твоим дверям и буду с тобой говорить, – простучали вдруг из соседней камеры, что, разумеется, немало встревожило сыщика. Однако, он ничего не ответил, решив, что при царившей в камере полутьме даже зоркий глаз Кварца не должен был заметить маскарада. При этом ему чрезвычайно любопытно было узнать, каким именно образом преступник откроет крепко запертую дверь своей камеры.

Целых четверть часа прошло в безмолвной тишине. Наконец сыщик услышал какое-то слабое царапание в решетку собственной двери и при неясном мерцании света, увидел за дверью на галерее человеческую фигуру, которая лежала, растянувшись во весь рост и прижавшись лицом к решетке его камеры.

Он ни на минуту не сомневался, что это был сам Кварц, пришедший навестить мнимого Кона и ради осторожности растянувшийся на полу. Сыщик немедленно последовал его примеру и тоже лег на живот, так что сосед почти совсем не мог его видеть.

– Наконец-то ты стал поосторожнее, – шепнул Кварц сквозь решетку, – да и нельзя не быть достаточно осторожным, в особенности теперь, когда мы так близки к цели. Ма-

лейшая оплошность может в последнюю минуту погубить все наши планы, а одна эта мысль уже сводит меня с ума. Теперь скажи мне, "о чем говорил с тобой директор?"

– Он хотел узнать что-нибудь новое о привидении, вот и все, – шепотом ответил Ник Картер, удивительно верно поддельвая хриплый голос Кона. – Мне сегодня неохота говорить: голова трещит до безумия. Черт знает, что со мной, пожалуй, расхвораюсь не на шутку.

– Глупости! Одни только бесхарактерные люди хворают. Скажи себе, что ты хочешь быть здоровым, и ты моментально вылечишься. Иди сюда, я положу тебе руку на лоб, это сразу уймет боль, – сказал доктор просовывая руку сквозь решетку.

Но Ник Картер быстро отстранился и не ответил ни слова.

– Ты, кажется, сегодня не в своей тарелке, – проговорил Кварц. – Ну, как хочешь, оставайся со своей головной болью. Но я желаю все-таки узнать от тебя кое-что. Я слышал, что кто-то приехал сюда, и что приезжий говорил с Мулленом и Прейсом. Это очень похоже на Ника Картера. Ты вполне уверен, что не видел никого чужого?

– Вполне! – поторопился успокоить его Ник Картер.

– Ты не видел в кабинете ни Муллена, ни Прейса?

– Нет.

– Что же спрашивал директор о духе?

– Все те же глупости.

– Он не верит в духов, а? – заметил доктор Кварц со злоб-

НЫМ ХОХОТОМ.

– Не больше нас с тобой.

– За кого же он принимает привидение?

– За женщину, – возразил сыщик, которому интересно было посмотреть, какое впечатление это замечание произведет на доктора Кварца.

– Ого, – прошипел доктор, – значит, он уже стоит на правильном пути! А ты что ему на это ответил?

– То, что отвечал всегда.

– Молодец, Кон! погоди! Кто-то зашел ко мне в камеру, я сейчас вернусь.

С этими словами доктор тихо пополз по полу и через секунду исчез в темноте.

Ник Картер остался неподвижно лежать на полу. Мысль его лихорадочно работала.

"Он говорит о том, что кто-то находится в его камере, как если бы это было самое обыкновенное и естественное явление, – думал он. – Из этого я заключаю, что вся эта история о Рулофе и его подземной работе весьма близка к истине. И о какой это работе спрашивал меня Кварц? Неужели Кон роет тайный ход для сообщения его камеры с камерой соседа. Пожалуй, что так. Но надо быть настороже, потому что если этот Кварц имеет возможность проникнуть и в мою камеру, то мое инкогнито весьма трудно будет сохранить".

В этот момент у дверей камеры снова показался Кварц.

– Это наша маленькая подруга, – шепнул он мнимому Ко-

ну. – Приготовься! Как бы ты не был болен, но в надлежащий момент ты должен испустить свой пронзительный крик. Сегодня ночью обязательно надо вывести из себя всех заключенных.

– Я готов, – пробормотал сыщик.

– Хорошо! Подожди, пока я тебе дам знать... Ты знаешь, как опасно было бы крикнуть раньше времени: она должна иметь возможность вернуться опять в камеру.

С этими словами Кварц снова бесшумно скрылся в темноте.

Легко себе представить, в каком взволнованном состоянии находился Ник Картер: неужели он действительно увидит сейчас самого "Демона Даннеморы"?!

Ник расположился возле дверей камеры таким образом, что легко мог обозревать всю галерею, тогда как сам он оставался в тени и снаружи почти не мог быть замечен.

В этот самый момент вдруг показался "Демон Даннеморы".

Одним прыжком привидение очутилось на галерее, очевидно, выскочив из камеры № 79. Оно быстро стало скользить по галерее и останавливаясь перед каждой камерой, издавало какое-то змеиное шипение, которое должно было разбудить заключенных.

Все камеры сразу ожили. Тревожный шепот все разрастался и в конце концов перешел во всеобщий, отчаянный вопль.

Доктор Кварц из своей камеры завыл как волк, а сыщик испустил заранее условленный пронзительный крик, тотчас же подхваченный всеми заключенными.

Он видел, как привидение продолжало продвигаться вперед по галерее, но дойдя до поворота ее, вдруг стремительно повернулось и бросилось бежать обратно.

Оно было одето в красную широкую мантию, из-под которой виднелось черное, видимо, покрытое трико, тело. Лицо и голову духа закрывала отвратительная маска с рогами и длинными остроконечными ушами.

Вид привидения был поистине страшный, и Ник Картер прекрасно мог понять, что заключенные при его появлении приходили в исступление.

Приведение уже почти добежало до камеры сыщика, когда вдруг с противоположного конца галереи раздался револьверный выстрел.

Сыщик видел, как фигура духа дрогнула и схватилась руками за решетку его камеры. Вместе с тем послышался глухой стон, сейчас же, впрочем, сменившийся тихим злорадным смехом. Ник Картер узнал этот смех, он различил бы его хоть в сотне других голосов: это был неприятный злобный смех красавицы Занони.

– Я исчезаю, – услышал он шепот привидения, – сторож, кажется, стрелял из револьвера большого калибра: пуля чуть было не сшибла меня с ног. До свидания, Кон! Как поживаешь?

Но не дождавшись ответа, Занони скрылась.

Куда она исчезла? Спряталась ли у доктора Кварца?

Ник Картер не мог ответить на этот вопрос, хотя находился только в каких-нибудь восьми шагах от входа в камеру № 79. С одинаковой вероятностью можно было предположить, что Занони провалилась сквозь землю.

Тюрьма между тем превратилась в настоящий ад: крик, вопли, рев и вой напоминали сыщику тот ужасный шум, который бывает в больших зверинцах перед началом кормления диких зверей.

Сыщик видел, что заключенные действительно находились в состоянии крайнего волнения, и вполне понял намерение преступной пары довести этих сумасшедших до полного бешенства и поголовного бунта.

Тяжелые, быстро приближающиеся шаги послышались на галереях и в коридорах: это сторожа тщетно искали привидение.

Мало-помалу страшный гам и шум среди заключенных начали ослабевать, пока, наконец, не водворилась сравнительная тишина, только изредка прерываемая чьим-либо плачем или дикими, проклятиями.

Через некоторое время к камере Ника Картера подошел один из сторожей.

– 78, – грубо крикнул надзиратель, – ты видел привидение?

– Видел, сэр.

– А куда оно скрылось?

– Этого я не видел. Но, вероятно, оно, как и всегда, полетело на крышу.

– Вот как? А мне показалось, что оно прошло через твою камеру?

– Может быть, во всяком случае я этого не видел. Я больше не в силах выносить этих ужасов, мистер Муллен. Вы должны сделать что-нибудь, чтобы защитить нас от них. Кажется, нам и без того уже несладко, а это уж совсем бессердечно, хоть мы и арестанты, а все же люди, а не дикие звери.

Общий ужасный крик заключенных ответил на слова сыщика, сказанные громко и как бы в безумном страхе.

Со всех сторон, изо всех камер раздавались одобрительные возгласы.

– Если вы не положите конец этим безобразиям, – крикнул кто-то, – и не заставите исчезнуть страшного демона, то мы сами с ним расправимся! Среди нас нет ни одного, который не был бы готов драться не на живот, а на смерть и умереть, чем выносить еще и дальше эти ужасы!

Ник Картер видел, что слова его произвели действие еще более сильное, чем он предполагал, и решил, что продолжать еще в том же духе было бы уже рискованно.

Через полчаса у дверей его камеры снова показался Кварц.

– Кон, – шепнул он, – ты еще не спишь?

– Нет, – также тихо ответил Картер.

– Как твоя голова?

– Лучше, но все еще болит.

– Пуля ранила нашу маленькую подругу. У ее сломано одно ребро, несмотря на непроницаемое сукно. Она заявила, что больше не будет играть роль привидения, и поэтому надо будет как можно скорее произвести задуманный бунт. Надзиратель стрелял калибром 44. Смотри, вот его пуля!

После короткого молчания доктор продолжал:

– А ты не думаешь, что завтра закончишь копать?

– Может быть!

– Ты должен закончить, если хочешь идти с нами. Остальные все готовы. Я сейчас сделаю все необходимые распоряжения. Постарайся.

– Постараюсь.

– Отлично! Послезавтра вечером, когда нас поведут в камеры, я дам сигнал для общего бунта. Ты знаешь, в чем будет заключаться твоя функция?

– Разумеется, – сказал Ник Картер, хотя не имел об этом понятия.

– Ты, как можно скорее, заберешься в свою камеру и закроешь за собой дверь. Если же ход у тебя будет еще не готов, ты прямо пойдешь в мою камеру, понял?

– А ты сам как же выберешься? – осмелился спросить Ник Картер, хотя отлично знал, на какой опасный путь вступал, предлагая этот вопрос.

К счастью, доктор не нашел в нем ничего особенного и

даже, напротив, как будто ожидал его.

– Это уже мое дело, – шепнул он, – Рулоф согласился уже сегодня ночью увести нашу маленькую подругу. Вот будет переполох завтра в женском отделении, когда надзирательницы заметят исчезновение Занони!

– Черт его знает, – шепотом же ответил Картер, – не верю я что-то этому Рулофу, никогда, я думаю, не выпустит он нас из этой дыры.

– Я сам пришел к тому же убеждению и потому больше ждать не намерен.

– Что он вообще за человек, этот Рулоф? – осторожно продолжал допытывался сыщик.

– Да он какой-то сумасшедший, я всегда говорил тебе. Если бы я не сдержал данного ему слова и сделал хотя бы одну попытку бегства, он превратился бы в нашего злейшего врага и всех бы нас выдал. Но однажды ночью, когда я наверняка знал, что он не увидит меня, я пошел по тому тайному ходу вниз и целый час искал там выхода на свободу.

– И не нашел?

– Нет, в этом подземном лабиринте сам черт не разберется: там такая масса коридоров, галерей, глухих тупиков, что можно помереть с голоду прежде, чем найдешь верную дорогу.

– В таком случае и мы все не найдем ее, – со вздохом проговорил сыщик.

– Дурак! Ты забываешь про Занони, – шепнул Кварц. –

Это поистине счастье, что пуля сломала ей ребро, так как благодаря этому старый Рулоф сегодня ночью согласился вывести ее из тюрьмы. А пройдя дорогу один раз, она сумеет найти ее и вторично. Ты еще не знаешь Занони!

– Послушай, – шепнул Ник, как бы под влиянием только что явившейся ему мысли, – а если завтра заметят исчезновение твоей подруги, – не помешает ли это нашему собственному бегству?

– Напротив, оно будет нам полезно.

– Не понимаю, каким образом?!

– Дурак! Они всеми силами постараются вернуть улетевшую птичку и забудут поэтому думать о нас.

– А где же Рулоф спрячет ее? – пытался узнать Ник.

Доктор помолчал некоторое время и наконец сказал:

– Да там же, куда спрячемся и мы.

– Но где же это? Я хочу знать, потому что в решительную минуту нас может что-нибудь разъединить, – продолжал настаивать мнимый Кон.

– Не бойся, нас ничто не разъединит, – шепотом возразил доктор, и сыщик по тону его сразу догадался, какая судьба предназначалась несчастному № 78.

– Но я хочу знать. Ты должен мне сказать!

– Нет, братец, много будешь знать, скоро состаришься! – возразил доктор Кварц.

– Смотри, не играй со мной в фальшивую игру, не то...

– Разве я тебе не обещал?

– Я достаточно долго промучился в этом аду, мне хочется свободы!

– Успокойся, – глухо засмеялся доктор Кварц. – Ты скоро получишь полную свободу, только помни: послезавтра вечером, когда нас поведут обратно в камеры, мы начинаем!

Едва только доктор Кварц вернулся к себе в камеру, как сейчас же начал передавать сигналы своему соседу с другой стороны, который тут же передал их дальше, и новая весть скоро облетела всю тюрьму; доктор Кварц сообщил всем чрезвычайно важную новость: бунт должен был начаться уже на следующий день вечером.

К несчастью, Ник Картер не мог слышать того, что передавал своему другому соседу доктор Кварц. Поэтому, чрезвычайно утомленный работой предыдущего дня, сыщик сейчас же после ухода Кварца бросился на кровать и крепко заснул.

Ник Картер полагал, что директор немедленно позовет его к себе, как только обнаружится исчезновение Занони, что должно было случиться во всяком случае не позже раздачи утреннего завтрака, и действительно он не обманулся.

Еще прежде, чем на галерее началась раздача завтрака, перед камерой № 78 появился Стетсон и заявил мнимому Кону, чтобы он сейчас же шел за ним в кабинет директора.

– № 78 останется здесь у меня, а вы отправляйтесь опять на свою работу, – как можно более спокойным тоном приказал директор. Но как только за надзирателем закрылась дверь, он вне себя подошел к сыщику и шепнул ему взвол-

нованным голосом:

– Представьте себе, эта дьявольская женщина сбежала!

– Это я мог бы сказать вам уже сегодня в час ночи, – спокойно возразил ему Ник Картер.

– Помилуйте, но в таком случае отчего же вы меня не предупредили?

– Потому что я сидел в камере в качестве арестанта Кона, и сторож засмеялся бы мне в лицо, если бы я потребовал от него, чтоб он повел меня ночью к вам.

– Это, конечно, верно, – грустно промолвил директор.

– Мало того, я и в то время мог бы только сообщить вам о совершившемся факте, и вы все равно уже не поймали бы Занони так же, как не можете поймать ее и теперь.

– Но как же вы узнали о бегстве этой женщины?

– Сегодня ночью она не вернулась больше в камеру после того, как появилась опять в виде привидения.

– То есть как это появилась? – совершенно озадаченный, спросил директор. – Черт возьми, так неужели действительно...

– Занони играла роль привидения, как я вам и говорил?.. Как видите – да!

– Я решительно отказываюсь понимать, – сознался директор и, точно совершенно обессилив, опустился в кресло. – Муллен уже докладывал мне, что он стрелял в привидение из револьвера калибра 44.

– Совершенно верно, и поэтому-то ему и удалось сломать

этой Занони ребро.

– Неужели? – чрезвычайно заинтересованный, воскликнул директор. – Вот это меня радует!

– Да, но это и было причиной, почему Занони уже не вернулась в свою камеру. Ей пришлось бы там объяснить происхождение ранения, а это, конечно, ее совершенно не устраивает. Поэтому-то Рулоф, который действительно все эти годы живет по соседству с Даннеморой, сжалился и согласился дать ей возможность бежать.

– Рулоф! Рулоф! Все этот проклятый Рулоф! – окончательно рассердился директор.

– Да, именно Рулоф, и Рулоф – инициатор всего. Скажу вам по секрету, директор, этот Рулоф есть единственный человек, от которого через день еще можно будет узнать местопребывание Занони! Поэтому будем надеяться, что Прейсу удастся разузнать, где именно он находится. А кстати, что, он еще не явился к вам с докладом?

– Нет еще! Но отчего же вы говорите с таким ударением "через день"? – спросил директор, уже чуя что-то недоброе.

– Потому, что доктор Кварц назначил бунт на послезавтра вечером, – ответил сыщик и рассказал пораженному директору все, что узнал сегодня ночью.

– Хорошо же! – сказал директор со злобной решительностью, когда сыщик окончил свой рассказ. – Пусть начинается бунт, мы примем свои меры!

– Будьте очень осторожны! – продолжал Ник Картер. –

Вы хорошо сделаете, если примете эти меры заблаговременно и будете наготове каждую минуту. Я твердо убежден, что Кварц назвал мне не тот срок, который на самом деле назначен для начала бунта.

– Но почему же?

– Очень просто: дело в том, что этот Кварц и не думает даже помочь Кону бежать. Очень ему нужен человек, который будет знать потом его секрет. Голову даю на отсечение, что смертный приговор Кона уже давно подписан. Поэтому-то я и думаю, что доктор Кварц скрыл от меня свои настоящие намерения.

– Другими словами, мистер Картер, вы боитесь, что бунт может разразиться каждую минуту. Хорошо, – продолжал директор, когда сыщик утвердительно кивнул головой, – я приму все меры предосторожности, а доктора Кварца еще сегодня переведу в другую камеру.

– Ради Бога, не делайте этого, вы только погубите весь мой план! – вскричал Ник Картер.

Директор с удивлением посмотрел на него: он не понимал смысла его слов.

– Но позвольте, – спросил он, совершенно озадаченный, – что же можно сделать лучше, как задушить бунт в самом зародыше?

– Да не будьте же так близоруки, – возразил сыщик, уже закуривший свою любимую трубку. – Предположим, вам действительно удалось бы подавить этот бунт и временно

обезвредить доктора Кварца, этого главного зачинщика, – чего же бы вы этим достигли?

– Как чего? Я держал бы впредь своих заключенных под строгим контролем, а этого, мне кажется, совершенно достаточно!

– Может быть, но в лучшем случае это поможет вам на сегодня и на завтра, – сухо заметил Ник Картер. – Но в один прекрасный день у вас все же неожиданно разразился бы бунт, в сравнении с которым ныне предполагающийся был бы детской игрушкой.

– Так вы советуете мне преспокойно оставить Кварца в его камере и, сложа руки, ждать, пока бунт действительно начнется.

– Да, ничего другого вам и не остается делать, – заявил сыщик.

– Но мистер Картер, – ломая руки воскликнул старательный служака, – такой совет я нахожу прямо-таки... странным. Ведь вы сами говорили мне, что доктор Кварц запрется в своей камере и потом преспокойно сбежит.

– Во всяком случае он попытается это сделать, но вы забываете, – спокойно заметил Ник Картер, – что я буду там, чтобы вовремя помешать ему привести в исполнение свой план.

– Неужели вы опять намереваетесь запереться в камере 78? – воскликнул директор.

– Ну, конечно. Ведь, вы сами понимаете, что Кона сейчас

выпускать ни в коем случае нельзя, так как он, разумеется, немедленно передаст доктору Кварцу все, что видел и слышал здесь в кабинете.

– Да, вы правы, – согласился директор. – Лучше всего, я думаю, позовем теперь этого молодца сюда и попытаемся узнать от него, какую такую ночную работу он совершал в своей камере.

– Что же, позовите его, если вам доставляет удовольствие выслушивать всякие выдумки, – насмешливо возразил ему на это сыщик. – Что касается меня, то я уже больше не интересуюсь Коном, только прошу вас, не забывайте, что я от вашего имени обещал ему полную безнаказанность и экстренную порцию табаку.

– Хорошо, мистер Картер, я сдержу данное вами обещание, а, впрочем, вы правы: он, конечно, наврет мне с три короба. Лучше всего я останусь совершенно нейтральным, а вы пока что займете мой пост. Приказывайте, что нужно, а я буду смотреть только за тем, чтобы ваши приказания безусловно исполнялись.

– Вот это будет самое лучшее, – с обычным своим спокойствием сказал Картер. – Прежде всего созовите всех служащих, надо будет приготовиться к отчаянной борьбе. Словом, в течение одного часа все должны быть уже на своих постах и каждую минуту ждать начала бунта, чтобы сейчас же подавить его вооруженной силой.

– Все это будет сделано.

– Затем, с минуты на минуту должен явиться сюда вызванный мной по телефону мой главный помощник Дик. Расскажите ему все подробности дела. Пусть затем он подождет возвращения Прейса и примется тогда совместно с ним за поиски берлоги этого Рулофа.

– Откровенно говоря, Картер, я изнервничался, как барышня, – сказал директор со вздохом. – Что нам делать сегодня с этой женщиной.?

– Вы говорите о Занони?

– Разумеется, а то о ком же?

– Вот что я вам посоветую: примите все те меры, которые в этих случаях предписываются законом, ни больше, ни меньше, а впрочем, можете быть совершенно уверены в том, что все ваши попытки останутся совершенно безуспешны и вам не удастся поймать Занони, – прибавил сыщик с иронической улыбкой.

– Очень утешительно, нечего сказать, – угрюмо сказал директор. – Лучшего вы мне ничего не можете сказать?

– Погодите, может быть, со временем и скажу, – утешал его Картер. – Если я не ошибаюсь в своих расчетах, то Занони в сопровождении этого таинственного Рулофа придет сегодня вечером в камеру доктора Кварца. А еще вернее, она перережет горло Рулофу и придет к своему учителю одна!

– В самом деле? Вы думаете? – спросил директор, тоном сомнения.

– Придет она непременно: доктор Кварц и Занони нераз-

лучны; заметьте, при этом здесь нет никакой любви. Напротив. Кажется, они всей душой ненавидят друг друга. Но совершенные сообща преступления сплачивают их сильнее, нежели узы любви или родства.

– Но, мистер Картер, – сказал вдруг директор, – думали ли вы уже о собственной судьбе? В случае бунта вы будете находиться в самой среде арестантов, и во всяком случае вы один должны будете взять на себя борьбу с Кварцем, Рулофом и Занони.

Сыщик презрительно пожал плечами.

– Моя судьба может вас не беспокоить, господин директор, – сказал он спокойно, как всегда. – Со мной ничего плохого не случится. А теперь, я думаю, мы переговорили обо всем и недоразумений уже не осталось никаких, не правда ли?

– Конечно. Все ваши приказания будут в точности исполнены.

– Ну-с, так до свидания, – после короткой паузы сказал сыщик. – По всей вероятности, мы увидимся уже не ранее завтрашнего утра, когда бунт будет уже совершившимся фактом. Позовите, пожалуйста, Стетсона и велите отвести меня в мою камеру.

Директор уже хотел нажать на кнопку звонка, как вдруг вспомнил еще что-то и вопросительно посмотрел на сыщика.

– Ах да, мистер Картер, что вы думаете о Стетсоне? Продолжаете ли не доверять этому человеку?

– А вот подождем, пока разыграется бунт, и посмотрим, как он будет действовать, – спокойно возразил сыщик. – Быть может, он невинен, как младенец, но здесь, в Данне-море, есть человек, который сообщает доктору Кварцу обо всем, что происходит в тюрьме. Так, например, доктор знал уже, что я приехал сюда и обстоятельно допросил Муллена и Прейса.

– Не может быть! – удивился директор. – Первый раз слышу, право, я, кажется, сам теперь готов заподозрить этого человека, которого мне так хорошо рекомендовали.

По умному лицу сыщика скользнула насмешливая улыбка. Он подошел к директору и положил ему руку на плечо.

– Милый друг, позвольте дать вам один очень важный совет: берегитесь людей, которых чересчур горячо рекомендуют, – сказал он. – Обыкновенно хвалят именно тех людей, с которыми не знают как развязаться или же которых хотят пристроить по каким-либо эгоистическим соображениям; а такие люди обыкновенно не служат интересам своего работодателя. Но позовите теперь Стетсона: наш разговор и без того затянулся уже чересчур долго, как бы не вызвать подозрения в нашем "замкнутом" обществе.

* * *

На другой день большой тюремный колокол громкими мерными ударами возвещал конец дневных работ.

Арестанты сейчас же оставили свои станки и машины и поспешили выстроиться в ряды, чтобы отправиться обратно в свои камеры. Один за другим, по заведенному в американских тюрьмах порядку, они пошли длинной вереницей, тем своеобразным маршем, который состоит в том, что каждый арестант должен класть руки на плечи идущего впереди.

Медленно расходились арестанты по высоким коридорам и потом, по разным галереям, где каждый заключенный, дойдя до дверей своей камеры, должен был остановиться и стать спиной к двери.

Группа арестантов, к которой принадлежали Кварц и мнимый Кон, находилась под надзором Муллена и Стетсона, причем последний шел совсем рядом с доктором Кварцем.

Но едва только они взошли на галерею, куда выходили камеры от № 1 до № 100, как доктор Кварц испустил неожиданный пронзительный крик, гулко разлетевшийся по всей тюрьме, как боевой крик краснокожего индейца.

С ловкостью тигра преступник набросился на ничего не подозревавшего Стетсона и с быстротою молнии выхватив тщательно спрятанный под халатом камень, со всего размаху ударил им по голове молодого надзирателя.

Тот, как подкошенный, свалился на пол и остался неподвижно лежать. Между тем крик доктора уже нашел сотни отголосков, и среди арестантов началось грозное движение. Этот крик был, видимо, условленным сигналом.

В одну минуту тюрьма сделалась театром ужасной, отвра-

тительной борьбы.

Арестанты целыми дюжинами, с каким-то нечеловеческим ревом, набрасывались на застигнутых врасплох надзирателей.

Последние, уже предупрежденные, правда, о возможности бунта, тем не менее совершенно не ждали такого начала. Они вдруг увидели себя окруженными со всех сторон арестантами, превратившимися в разъяренных зверей, и только благодаря необыкновенному присутствию духа не были разорваны на клочки.

В одно мгновение подоспела запасная команда сторожей и стала защищать своих товарищей.

Уже было выпущено более ста выстрелов, но надзиратели получившие приказание по возможности беречь заключенных, стреляли в воздух, надеясь напугать этим бунтовщиков и заставить их смириться.

Однако, действие этих выстрелов было совершенно противоположное. Едва только бунтовщики заметили, что выстрелы остались без последствий, как среди них поднялся бешеный дьявольский смех. Совершенно обезумев, они с удвоенной яростью набросились на своих противников.

Победа, казалось, уже начинала склоняться на сторону арестантов, когда снова открылись двери главного коридора и явились новые отряды вооруженных надзирателей, которые моментально рассыпались по различным галереям.

Пришлось дать залп по арестантам. Дикий рев поднялся

вокруг, перемешанный со стонами раненых и умирающих.

Надзиратели сомкнутыми рядами двинулись вперед и с тяжелыми дубинами набросились на сопротивлявшихся еще бунтовщиков, так что те заметались и рассыпались во все стороны, как обращенное в бегство стадо волков.

Благодаря энергичным действиям всего служащего персонала бунт вскоре был окончательно усмирен.

Как зайцы, побежали преступники по галереям, и каждый из них старался как можно скорее добраться до собственной камеры; они все понимали, что в ближайшие дни карательная машина будет усиленно работать, и старались как можно скорее скрыться из глаз сторожей.

Тем временем Кварц, сразив несчастного Стетсона, в ту же минуту бросил его тело на подбежавшего Муллена, повернулся и как можно скорее бросился к своей камере.

В безумном беге по галерее он вдруг заметил перед собой тоже бегущего арестанта, в котором узнал Кона, в ту же минуту с диким проклятьем увидел, что тот скользнул в ту же камеру, к которой он спешил сам.

– Проклятый черт, – заскрежетал доктор Кварц, и лицо его перекосилось в бешеной злобе, – как жаль, что я бросил камень!

С этими словами он вскочил в свою камеру, в которой уже находился мнимый Кон.

– Прочь отсюда! – заревел на него Кварц.

При этом он набросился на сыщика и схватил его за горло.

Если бы это был настоящий Кон, то по всей вероятности, Кварц живо справился бы с ним. Но в ту же минуту, когда преступник набросился на своего противника, он вдруг понял, что роковым образом ошибся. Незнакомец схватил его и с такой силой швырнул об стену камеры, что Кварц чуть было не лишился сознания.

Ник не давал Кварцу опомниться. Снова набросившись на своего врага, он нанес ему страшный удар кулаком в лицо, но даже и это не сшибло доктора с ног.

– Картер! – закричал Кварц в смертельном ужасе, внезапно догадавшись, какого страшного противника он имел перед собой.

И с оскаленными зубами, рыча, как тигр, он бросился на своего смертельного врага и сильными цепкими руками схватил его за плечи.

Оба с грохотом повалились на пол. Но даже из ряда выдающаяся физическая сила преступного доктора не могла долго противостоять необыкновенной ловкости сыщика. Все более и более освобождался Картер из ужасных объятий своего смертельного врага и наконец, несмотря на отчаянное сопротивление, приподнял его и со всего размаху ударил об пол затылком. На этот раз Кварц лишился чувств.

В ту же минуту одна из плит пола поднялась и в образовавшемся отверстии неожиданно показалась стройная фигура Занони.

Картер хотел одним прыжком наброситься на нее. Но За-

нони сразу поняла грозящую ей опасность. В руке ее что-то блеснуло – раздался выстрел, – и Ник Картер, успевший вовремя отклониться, почувствовал, как возле самого виска его прожужжала пуля. Но когда он повернулся опять к прекрасной преступнице, она уже скрылась, а пол камеры был опять совершенно цел и невредим.

В дверях камеры показались директор и Муллен. Они схватили все еще бесчувственного Кварца и потащили в соседнюю камеру. Там его связали, заперли и до поры до времени предоставили самому себе.

Ник Картер на коленях старательно исследовал таинственно устроенный пол камеры, как вдруг перед его удивленным взором снова открылась секретная подъемная дверь, и в отверстие просунулась чья-то голова.

Но на сей раз это была не прекрасная Занони. Это было окровавленное лицо мужчины, в котором остолбеневший от неожиданности сыщик едва узнал своего верного помощника Дика.

Удивление Ника Картера возросло еще больше, когда на руках последнего он увидел, по-видимому, безжизненную женщину. Он быстро подскочил и помог уже изнемогающему Дику выбраться со своей ношей из потайного хода в камеру.

Женщина на его руках была не кто иная, как Занони, из ее глубокой раны на лбу сочилась кровь.

– Я подоспел как раз вовремя, чтобы поймать этого дья-

вола в юбке, — едва мог вымолвить Дик. — Я не пожалею, если убил ее, так как она зарезала старика Рулофа.

Возвратимся еще раз к тому моменту, когда надзиратель Прейс получил от Ника Картера поручение постараться разыскать местопребывание старика Рулофа.

* * *

Выйдя из кабинета директора, Прейс пошел в зал, где обыкновенно находились не занятые службой сторожа. Передав свое дежурство другому надзирателю, он снял форменный сюртук и в обыкновенном штатском костюме вышел из тюрьмы. Прежде всего он пошел на телеграф и отправил данную ему сыщиком телеграмму в Нью-Йорк. Затем он направился домой, где жена и дети встретили его неожиданное появление с крайним удивлением.

Напившись кофе в кругу собравшейся семьи, он отправился в дом своего тестя. Старик Гаммонд жил на самом краю городка. Идти туда надо было добрых полчаса. Быстро зашагал Прейс и вскоре очутился перед маленьким домиком, совершенно заросшим диким виноградом. Старик сидел у себя в садике и чрезвычайно удивился, увидев Прейса в штатском.

— Ты откуда, Джимми? — смеясь спросил его старик, подавая жилистую, рабочую руку. — Кажется, в это время ты должен быть еще на службе?

– Совершенно верно, тестюшка, – улыбаясь, ответил тюремный сторож. – Я пришел к тебе по делу службы, да при том по делу, чрезвычайно своеобразному, в котором мне нужна твоя помощь.

– Моя помощь? – удивленно спросил Гаммонд, откидывая рукой свои жидкие и уже совершенно белые волосы. – Интересно знать, что это может быть за дело? Но давай зайдем в дом, поговорим.

Гаммонд и Прейс прошли через чистенький садик и вошли в дом, в котором тоже царствовал образцовый порядок. Пройдя через усыпанную белым песком прихожую, Гаммонд открыл дверь гостиной.

– Ну-с, в чем дело? – спросил старик, усаживаясь в широком удобном кресле. – Я сгораю от любопытства, вроде моей покойной жены, которая, царство ей небесное, ночью бывало, услышав на улице чье-нибудь чихание, непременно вставала, чтобы посмотреть, кто это именно чихнул.

– А вот сейчас удовлетворим твое любопытство, – сказал Прейс. – Я пришел по поручению директора относительно истории с Рулофом.

– Что ты говоришь? – переспросил его Гаммонд и даже привстал от удивления. – Догадался-таки наконец твой директор, что в этой истории, о которой я твердил ему уже несколько раз, есть немало правды?

– Да, догадался, да и только с помощью знаменитого сыщика Ника Картера, которого директор вызвал, чтобы рас-

следовать наконец и раскрыть эту таинственную нечистую силу в тюрьме. Вообще говоря, Ник Картер-то главным образом и попросил меня узнать от тебя подробности относительно того, где может находиться таинственный Рулоф.

– Вот как, наш знаменитый сыщик, значит, желает от меня узнать, где находится Рулоф, – повторил старик, задумчиво глядя вдаль. – Ну что, ему я, пожалуй, скажу. Этот старый упрямец, директор, долго просил бы меня, пока я согласился бы удовлетворить его любопытство. Ты сам знаешь, как часто он смеялся над моей "блажной", как он называл, идеей. Ну слушай же: Рулоф, по моему твердому убеждению, живет в маленьком переулочке, вблизи главного входа в тюрьму, в третьем доме налево, если идти от церкви. Этот домик имеет позади маленький флигель, в подвале которого, говорят, и живет старик Рулоф. Его самого ведь и не увидишь никогда, а только какую-то некрасивую старую женщину, которая, насколько я знаю, ведет его хозяйство. – Вот все, что я могу тебе сообщить.

– Спасибо, тестюшка, пока с меня хватит и этого: все же ты дал весьма ценные указания. Посмотрим, не удастся ли откопать теперь эту старую лису.

С этими словами сторож встал, крепко пожал старику руку, быстрыми шагами пошел обратно по направлению к своему дому, так как решил, что возвращаться в тюрьму уже поздно, и кстати можно провести лишний вечер дома.

Когда он на другой день явился с докладом к директору,

то уже застал там приехавшего из Нью-Йорка Дика, с которым директор его сейчас же и познакомил.

Дик, знавший уже со слов директора все подробности дела, вплоть до ночного исчезновения Занони, выслушав доклад Прейса, решил немедленно приняться совместно с ним за дальнейшие поиски Рулофа.

Простившись с директором, Дик и Прейс вышли из тюрьмы и направились в указанный Гаммондом переулок.

Он представлял из себя настоящую трущобу, в которой жила только самая бедная часть населения. Дома все более или менее развалились, грязные разбитые стекла окон выглядели мрачно и угрюмо. Прейс скоро нашел указанный Гаммондом дом и вошел вместе с Диком в открытую дверь. Они увидели перед собой длинный темный проход, очевидно, выходящий во двор и, пробравшись по нему ощупью вдоль стены, натолкнулись на вторую, к счастью, тоже не запертую дверь. Осторожно открыв ее, Прейс заглянул в образовавшуюся щель и убедился, что действительно видит перед собой тот двор, о котором говорил Гаммонд.

На последнем, казалось, не было ни души. Оглянувшись направо и налево, не наблюдает ли кто-нибудь за ними, Дик и Прейс вошли во двор. Прямо впереди стоял флигель, маленькое кирпичное строение с плоской крышей в один этаж с подвалом, первый этаж казался необитаемым, тогда как на окнах подвала красовались сомнительной чистоты занавески.

– Так вот где живет Рулоф, – пробормотал Дик, – интересно знать, что нам придется увидеть.

Он энергично постучал в покосившуюся дощатую дверь подвала. Ничто не шевельнулось, но Дик продолжал стучать, пока, наконец, за дверью не послышались медленные шлепающие шаги. Дверь полуоткрылась, и неприятный старческий женский голос с проклятиями и ругательствами спросил, кто имеет дерзость так громко и долго стучать. Дик хладнокровно ответил, что они чиновники городской полиции и посланы осмотреть этот флигель, чтобы определить степень его обитаемости: Вместе с этим он достал оправдательный документ, который так же, как и полицейские чиновники, всегда носил при себе. Уловка его подействовала.

Дверь тихо растворилась, и оба посетителя вошли в маленький коридор, весь потонувший в грязи.

Женщина ворча пошла вперед и открыла какую-то дверь. Она вела в комнату, которую скорее можно было назвать просто ямой. Кроме кровати с разорванной периной, в ней находился только совершенно уже расшатавшийся комод и два кривоногих стула. Дик внимательно разглядывал пол, так как полагал, что отсюда должны были начинаться тайные ходы, которые вели внутрь тюрьмы. Но ничего подозрительного он не заметил.

– А другие такие хоромы есть еще у вас? – спросил он, обращаясь к старухе.

– Конечно, есть, мистер, – ответила старуха, ослабив-

шись, – вот еще кухня.

Она пошла вперед, ковыляя и прихрамывая, прошла весь коридор и открыла другую дверь, из которой понесло такими ужасными испарениями, что Дик даже отшатнулся. Но он преодолел свое отвращение и вошел в кухню, всю пропитанную запахом гнилых овощей и застоявшихся помоев. Старуха подошла к плите и с отвратительной улыбкой подняла крышку с одного из стоявших на ней горшков.

– Сегодня у нас праздничный обед, мистер, – сказала она, – собачье жаркое, если не побрезгуете, милости просим к обеду.

Дик только отрицательно покачал головой и, не обращая внимания на болтовню старухи, все время внимательно разглядывал помещение. Но результат был все тот же отрицательный. Он понял, что таким поверхностным осмотром здесь ничего нельзя было найти и невозможно было узнать, здесь ли искать начало подземного лабиринта или нет.

Сделав для виду несколько отметок в своей записной книжке, он вышел в сопровождении Прейса из квартиры и отправился прямо в полицейское управление, так как был уверен, что старуха будет за ними следить.

В тот же день вечером Дик снова отправился к квартире старухи в надежде увидеть, быть может, самого Рулофа. Прейс сопровождал его.

Так как на их повторный стук никто не пришел им открыть, то Дик открыл дверь отмычкой и проник в вонючую

квартиру. Первое, что бросилось в глаза сыщику, было лежавшее на полу платье, то самое, которое он видел днем на злой старухе, рядом с этим платьем лежали и некоторые принадлежности мужского туалета.

Тогда ему все стало ясно: женщина, так нелюбезно встретившая их сегодня днем, была, очевидно, не кто иная, как сам Рулоф. Дик снова самым тщательным образом принялся осматривать каменный пол лачуги и на сей раз труды его увенчались успехом. Через некоторое время он нашел несколько каменных плит, которые, казалось, сидели не совсем крепко; ему удалось приподнять их. В образовавшееся отверстие он увидел глубокий, совершенно темный спуск, нечто вроде колодца, из которого поднимался затхлый, отдающий гнилью, воздух.

Недолго думая, Дик зажег свой фонарь и по свешивавшейся в колодец железной лестнице спустился вниз. Прейс остался караулить наверху. Не успел Дик почувствовать под ногами твердую почву и сделать несколько шагов вперед по какому-то узкому подземному коридору, как из глубины его раздался пронзительный крик о помощи. Он завернул за угол и увидел перед собой ужасное зрелище.

В уютной, слабо освещенной розовым фонарем комнате, неподвижно лежал на полу какой-то старик, весь в крови, а над ним стояла молодая женщина с окровавленным ножом в руке. Увидев сыщика, последняя, как кошка, прыгнула к противоположной двери и бросилась бежать дальше по под-

земному ходу. Началась бешеная погоня, но с помощью своего фонаря Дик имел возможность не терять из виду убийцу, в которой он сразу узнал красавицу Занони.

Но вдруг она исчезла, точно сразу провалилась сквозь землю. Дик остановился в нерешительности, а затем стал медленно продвигаться вперед в том направлении, куда скрылась Занони. Вскоре он услышал над своей головой отдаленный гул человеческих голосов, затем выстрел, и наконец все вновь стихло.

Внезапно в двух шагах от него в стене подземного коридора открылась потайная дверь, и из нее выскочила Занони.

В один прыжок она была уже около сыщика и ловким ударом выбила из его рук фонарь. Расчет был ясен: она хотела воспользоваться наступившей темнотой и скрыться от преследования.

Но ее план не удался. Дик успел схватить ее за платье, и между ними завязалась в темноте отчаянная борьба. Занони, чувствуя себя проигравшей, не щадила ни себя, ни своего противника. Она царапалась и кусалась, как взбесившаяся кошка, и вскоре все лицо и руки Дика были сплошь покрыты ранами. Но наконец ему удалось ударом кулака оглушить свою страшную соперницу.

Он зажег спичку, нашел свой фонарь и, засветив его, заглянул в оставшуюся открытой дверь в стене. Она, оказывается, вела в такой же колодец, как и тот, по которому Дик спустился вниз из комнаты Рулофа. Здесь также была при-

креплена к его стенкам железная лестница.

Сыщик взял бесчувственную Занони на свои сильные руки, стал подниматься вверх по лестнице, открыл наверху подъемный люк и, как уже было описано выше, очутился в камере 79, лицом к лицу со своим начальником Ником Картером.

Рана, нанесенная Стетсону доктором Кварцем, оказалась смертельной; но перед смертью он успел сознаться, что действительно по поручению друзей доктора сделался сторожем в Даннеморе и должен был помочь Кварцу в побеге. Он же объяснил и роль Рулофа во всем этом деле. По его словам, последний от долгого пребывания в тюрьме стал немного ненормален и после своего бегства остался жить вблизи Даннеморы, продолжая рыть новые подземные коридоры, один из которых он довел до женского отделения, благодаря чему Занони и могла перебираться в камеру доктора Кварца. Рулоф навещал иногда заключенных и действительно разыгрывал перед ними роль доброго гения, но так как все заключенные, с которыми ему приходилось сталкиваться, были сумасшедшие, то он не находил нужным выпускать их на свободу, тем более, что боялся, что тогда его подземная работа будет открыта и сам он снова будет заключен в тюрьму. Когда в камере № 79 поселился доктор Кварц, разум которого, как известно, был более чем в порядке, то он уговорил Рулофа помочь ему и Занони разыграть комедию с привидением, вызвать бунт в тюрьме и таким образом сразу освободить всех

заключенных. Эта мысль понравилась слегка ненормальному старику и он жестоко поплатился за свое согласие и доверчивость.

Тюремное управление, разумеется, сейчас же сделало распоряжение об уничтожении подземного лабиринта. Все ходы были засыпаны мусором и камнями, так что от них не осталось и следа.

Доктора Кварца поместили в специально выстроенную для него камеру и к тому же заковали еще в кандалы. Раны Занони между тем оказались настолько опасными, что ее пришлось перевести в тюремный госпиталь, и там нам придется предоставить ее своей судьбе.